

Глава IX

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ

В этой главе рассматриваются два достаточно противоположных, но тесно связанных между собой сюжета из когнитивно-поведенческой сферы социально-культурной антропологии, которую также можно назвать сферой нормативной культуры. Данной теме посвящено огромное число работ по самым разным культурам и регионам, а отечественная этнография накопила большой опыт изучения “традиций и обычаев” и располагает эмпирическим материалом практически по всем этническим группа территории бывшего СССР. В последние годы на передний план вышли сюжеты, связанные с обычно-правовой и этикетно-статусной сторонами культуры уже не просто в контексте исторических реконструкций, а как часть современной социальной жизни человеческих коллективов от малых общин до государственных образований и международных сообществ¹. Последний сюжет (общеразделяемые нормы и установления в государствах и мировых сообществах) крайне интересен и пока не пользуется должным вниманием.

В XX в., особенно после Второй мировой войны, впервые в истории своей эволюции человечество в лице его крупных сообществ (всемирные организации, финансово-экономические и ресурсодобывающие пулы, военно-политические блоковые коалиции, культурно-цивилизационные и информационно-языковые неформальные коалиции, сообщества крупнейших мировых корпораций и другие) начинает вырабатывать некоторые культурные нормы и ценности, которые носят гораздо более широкий характер, чем те, что распространены в границах этнических групп и государственных образований. Эти нормы и ценности, хотя и не обладают обязывающей силой государственных, но их влияние и предписывающее воздействие часто бывает несколько не меньшим, а масштабы влияния – неизмеримо большими. Не буду возвращаться к таким значимым примерам, как послевоенные ооновские декларации и всемирные хартии о правах человека, о праве на самоопределение и деколонизации, против расизма и дискриминации и т.п. Приведу только два сравни-

тельно недавних примера, наиболее близкие изучаемым этнологами сюжетам.

Один – это ставшая большой политической и культурной индустрией сфера защиты прав меньшинств. При всей противоречивости ее смысла и достигнутых результатов, было бы неверно недооценивать мощное культурно-политическое воздействие различных норм, правил, призывов и даже репрессалий, которые были установлены и реализованы в XX в., особенно в последние его два десятилетия. Специально об этом пойдет речь в заключительной главе книги. Здесь же зададимся вопросом: настолько определяющими или хотя бы более значимыми были некие эндогенные культурно-правовые нормы “этносов” по сравнению с нормами международными (речь об обязательных государственных нормах вообще не идет)?

Задав такой вопрос и осмотревшись более внимательно, мы неожиданно обнаружим, что фундаментальные явления в жизни этнических сообществ в нашей стране в последние полтора десятка лет произошли под воздействием и в рамках внеэтнических и даже внесударственных воздействий и предписаний. Все так называемые “национальные движения”, “национальные возрождения”, аборигенные форумы и т.п. во многом стали отражением международных структур и идеологий. Язык, грамматика, политическая программа, правовая составляющая и методы действия – все это было во многом заимствовано из международных деклараций и из внешнего нормативно-поведенческого опыта. В ряде стран, как, например, Латвия и Эстония, рекомендации международной структуры в лице Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств и рекомендации международных комиссий (например, лундские рекомендации по языковой политике) способствовали изменению законодательства и межэтнических отношений в целом в более позитивную сторону.

Второй пример – это сложившаяся в последние годы фактически на новой основе идеология, нормативно-правовая сфера и культурная деятельность, связанная с категорией так называемых аборигенных народов. Хотя в России эта часть населения была обозначена как “коренные малочисленные народы”, но смысл всего дискурса и его культурно-политических проекций сохранились и были привнесены прежде всего извне. Это только наивный обозреватель или непроницательный исследователь могут писать о неких до сих пор, якобы, дремавших внутри этноса и чудесным образом возродившихся родовых нормах и ценностях с последующим оформлением родовых угодий и территорий традиционного использования в законодательном порядке. На самом же деле все эти эпохальные в жизни “коренных малочислен-

ных” явления современной жизни были списаны (вплоть до неудачной терминологии и некоторых ошибочных установок) с внешних примеров и с текстов международных документов. Мне, занимавшемуся свыше десяти лет изучением проблем коренного населения Северной Америки², более чем очевидно эта эволюция от первого съезда народов Севера, состоявшегося в Кремле в 1989 г. до принятых в 1999 г. законов в поддержку северных народов и культур и активного участия российских представителей в Международной арктической конференции – главного лоббиста и производителя стандартов для общественно-политической деятельности коренных аборигенных народов циркумполярного пояса.

Некоторые, если не все, мировые и региональные культурно-правовые нормы и установки рождаются в результате кампаний активистов, выстраивания солидарных коалиций, лоббирования и последующего принятия деклараций, конвенций и резолюций, которые обретают обязательную силу, а со временем становятся повседневностью. Сегодня уже мало кто из хантов или манси, пользующихся преимуществами и протекцией родовых угодий, поверит, что двадцать лет тому назад я наблюдал как рождалась эта концепция в ее современном виде среди индейцев Канады в субарктическом регионе Северо-Западных Территорий и как в одной из общин индейцев-догриб (собачьи ребра) мне рассказывали, каким образом родилась идея составления подробных карт оленных кочеваний, охотничьих маршрутов и лесных троп, чтобы на их основе составить так называемые исторические иски правительству Канады. Спустя 15 лет родовые угодья и традиционные земли пришли и в нашу страну, хотя понятия *рода* и *традиционного пользования*, более чем расплывчаты в отношении арктических народов, а восстанавливаемая норма вообще к истории не имеет отношения. Почти уверен, что в самое ближайшее время в Россию придет мода и на судебные иски от имени коренных малочисленных народов.

И тем не менее общественные кампании и подражательство заразительны и эффективны. Обычно они исходят из позитивных установок и носят открытый характер, привлекая спонсоров и сочувствующих. Через это судьба малой культуры или народа и распространение на нее “международно признанных норм” становится предметом глобального внимания, наделяя уверенностью, ресурсами и опытом местных активистов. В целом это позитивный процесс культурных модификаций, хотя его установки и формы могут носить неудобный для государств вызов или наивно-утопический характер. Есть, правда, внегосударственные движения и культурные нормы, которые могут оказывать разру-

шительное влияние на малую культурную специфику и на национальные (государственный уровень) нормы и правила. О закрытых коалициях и сетях криминально-террористического характера и их социально-культурных корнях речь пойдет в следующей главе. Здесь же отмечу только негативные аспекты вполне легальных и даже популярных мировых кампаний за всеобщие культурные нормы. В середине 1980-х годов в канадской Арктике я был свидетелем выражения ненависти к французской актрисе Бриджит Бардо и недовольства возглавляемой ею кампанией за отказ носить одежду из меха убитых животных. Эта кампания разрушила и без того скудный рынок для нерпичьих шкур и пушного меха, которым обеспечивали проживание местные общины в регионах Баффиновой земли и западной Арктики (район моря Бофорта и устья дельты р. Маккензи).

К разряду глобальных мировых кампаний, которая обрела широкую популярность и оказала реальное воздействие на некоторые культурные восприятия и установки, а также на политико-государственную сферу, можно отнести инициированную ЮНЕСКО кампанию “культура мира”, порождением которой стал “год толерантности” и довольно богатый спектр деятельности в рамках государств и местных сообществ по осмыслению и утверждению толерантности в российском обществе. То, что это была кампания и даже известен ее автор – тогдашний генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор, говорит хотя бы тот факт, что в 2002 г., посетив одно из мероприятий этой организации по перспективам развития общественных наук, я не услышал от чиновников ЮНЕСКО – от заместителя генерального директора Пьера Сана до рядового служащего – даже упоминание о “культуре мира”. Последняя осталась только в публикациях, постерах и учебных пособиях, которыми пока еще был заполнен книжный магазин в штаб-квартире: очередные предписания новых начальников еще не набрали свою бумажную массу. И тем не менее, будучи вовлеченным в кампанию “культура мира в России” и единственный, кто выражал некоторые остужающие энтузиазм замечания, я хотел бы напомнить о культурно-политической сути этого “движения” в российском обществе, о его результатах и перспективных установках.

Попробуем выделить здесь основную идею и культурную практику толерантности и ее общественного антипода экстремизма, который также культурно обусловлен и который также требует усилий по его осмыслению. Разница только в том, что применительно к толерантности мы ведем речь об ее утверждении как некой нормы и установки, а применительно к экстремизму – о противодействии и профилактике как явления разрушительно-

го, особенно для сферы межэтнических и межрелигиозных взаимодействий. Почему я считаю, что ученому в данном случае необходимо заявлять свою позицию, даже если в последние два–три года в России, и не только в России, для части экспертов и политиков слово толерантность стало вызывать открытое неприятие, а экстремизм отодвинулся на второй план перед вызовом терроризма?

Важно это делать по нескольким причинам, но одна из них – это просветительство насчет ценности культурного плюрализма и опасности разного рода неофашистских и других экстремистских идеологий и практик. В российской науке по этому поводу царит сумятица и теоретическая каша, и этнология могла бы взять на себя ведущую роль в разработке этих сложных для исследования сюжетов. В 2002 г. газета “Известия” (19, 23 апреля и 15 мая) опубликовала серию статей о росте радикальных настроений среди молодежи, о скинхедах, о погромах на армянских кладбищах. Их автор А. Архангельский справедливо писал о скрытом фашизме, который проникает в социальные поры общества, накапливается как радиация и ищет выхода. Им же были отмечены как деструктивные путаные фильмы Алексея Балабанова, воспевающего войну с собственными гражданами, принадлежащими к другой этнической традиции и живущие в другом, в отличие от Москвы, ландшафте. Справедливо сказано о разжигающем ненависть романе А. Проханова “Господин Гексаген”, который был вознесен на уровень престижной премии “Национальный бестселлер”.

Но самое главное, что подметил журналист, – это тяга к примитивной простоте, однозначности, четкости, совпадающая с неприязнью к интеллигенции вообще, которая несет важнейшую миссию: “Интеллигенты или, если угодно, интеллектуалы распоряжаются смыслами. Они занудно толкуют о сложном. Хоть с кафедры, хоть в книжках и статьях, хоть в ночной программе Гордона. К этим кафедрам, книжкам и статьям масса не подпущена... К фундаментальным ученым краем уха прислушиваются поверхностные журналисты; к поверхностным журналистам, тоже краем уха, прислушиваются их адресаты. Самые разные. Хоть умные, хоть не очень. И до тех пор, пока ученые люди со всем их непереносимым занудством играют серьезную роль в социальном раскладе, пока они зудят и размахивают руками, протестуя против примитивизации сознания, оно и не сможет до конца, полноценно примитивизироваться. Если же оно не станет до конца примитивным, как можно будет со спокойной совестью взирать на погромы рынков, кладбищ, общежитий?”³.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРЫ МИРА

Существуют одновременно глубокий смысл и ирония в том, что идея и программа ЮНЕСКО “Культура мира” нашли столь много энтузиастов-последователей в России и в других странах бывшего СССР. Смысл состоит в том, что постсоветские общества переживают глубокие трансформации с целью уйти от социального порядка, который был построен на насилии, милитаризме и пренебрежении к правам человека. Но в ходе этих трансформаций сохраняется мощная инерция старых противостояний, появляются новые геополитические соперничества, рождаются новые нетерпимость и конфликты. Это не ставит под сомнение как выбор в пользу реформ, так во многом случайные и сумбурные геополитические преобразования последнего десятилетия, а лишь означает, что путь к демократическому и более благополучному обществу гораздо более сложен, что как старый, так и новый мир – это не мир одних только поборников всеобщего процветания, равенства и их внешних искренних радетелей. Это мир гораздо более сложных чувств, интересов и установок на индивидуальном и коллективном уровне, которые делают полное устранение насилия и утверждение культуры мира недостижимыми, хотя и неизменно желанными.

Одним из главных преград на этом пути оказывается неумение политиков и общества в целом перейти от самонадеянности силы к культуре согласия, избежать конфликтов и войн, предотвратить социальные кризисы. В этой ситуации культура мира и согласия как осознанная общественная стратегия и программа действий крайне актуальны и могут принести положительный результат. Не менее важна профессиональная реакция ученых и политиков на проявления различных форм современного экстремизма, под которым мы понимаем любые формы идеологических, этнических, религиозных, расовых, социальных и других коллективистских идеологий и практик, имеющих цель разрушить существующий государственно-правовой порядок и морально-общественные основы человеческих коллективов. Толерантность и экстремизм – два антипода, но пребывающие в постоянном симбиозе, и одновременный анализ этих явлений или политических проектов вполне уместен. В данной главе мы не разбираем детально природу насильственных форм экстремизма, ибо феномену насилия посвящена отдельная глава.

Как известно, 1995 г. был провозглашен Организацией Объединенных Наций годом *толерантности* (возможно адекватнее

употребление более исконного русского слова *терпимость*, хотя имеется определенная и даже существенная разница между этими словами. Основанием для этой акции стала озабоченность существованием и даже ростом ряда серьезных угроз для мирной жизни человеческих сообществ и международной стабильности в целом. Среди этих глобальных вызовов были названы: этнонациональные конфликты, дискриминация меньшинств, ксенофобия, в отношении беженцев и мигрантов, деятельность расистских организаций и акты расового насилия, религиозный экстремизм, насилие и гонения против свободомыслия интеллигенции, нетерпимость политических движений и идеологий, маргинализация и исключение из общества уязвимых групп или насилие против этих групп⁴.

Нетерпимость действительно превратилась в одну из глобальных проблем современного мира. Ее суть заключается в отрицании и подавлении различий между отдельными людьми и культурами. Возведенная на уровень коллективной и даже государственной позиции, нетерпимость подрывает принципы демократии и приводит к нарушению индивидуальных и коллективных прав человека. Нетерпимость выступает противником многообразия, которое составляет важнейший обогащающий фактор человеческого развития. Различия между культурами и людьми могут вызывать разногласия и даже противоречия: это – естественные последствия демократии и плюрализма. Но использование силы для разрешения таких противоречий или для навязывания отличительных взглядов и позиций является неприемлемым. Исходя из этих основных постулатов, ЮНЕСКО в пятидесятую годовщину своего существования напомнила миру о тексте преамбулы своей Конституции: “Поскольку войны начинаются в умах людей, то и с умов людей должно начинаться созидание мира”⁵.

Современный мир, переживая глубокие социальные и геополитические изменения после окончания холодной войны и распада коммунистического блока, нуждается в более адекватном осознании возможностей и опасностей существующей ситуации. Необходимы новые экспертизы и новые инициативы, чтобы содействовать становлению индивидуальной и коллективной ответственности, а также более эффективных институтов, чтобы не допустить царства анархии и насилия в XXI в. По этой причине государства бывшего СССР, и прежде всего Россия, активно включились в программу культуры мира. В июне 1995 г. в Якутске прошла одна из основных международных конференций года толерантности, материалы которой были опубликованы вместе с рядом книг, изданных якутскими специалистами⁶. Был издан

сборник статей как прототип учебника по культуре мира и демократии, а также научно-методические материалы⁷. В России при некоторых научно-исследовательских институтах и вузах возникли центры и кафедры по проблемам культуры мира. При всем этом ощущается недостаток культурно-антропологической проработки самого понятия и социального феномена толерантности и нетерпимости, что грозит превратить важную общественную акцию в подобие советских школьных “уроков мира”, которые практиковались доброе десятилетие без какой-либо ощутимой эффективности для общества. Данная глава книги представляет собой попытку хотя бы отчасти заполнить этот пробел.

О ПРИРОДЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И НЕТЕРПИМОСТИ

Ключевым принципом программы “Культура мира” объявлено утверждение культуры терпимости в контексте общедемократических преобразований. Как бы ни различались государственные устройства, политическая и культурная традиция, существует некое общее понимание таких категорий, как толерантность и согласие. Словарь английского языка определяет толерантность как “готовность и способность принимать без протеста или вмешательства личность или вещь”⁸. Советский энциклопедический словарь дает одно из определений толерантности как “терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению”⁹. Толерантность – это не одно и то же, что терпение или терпеливость. Если терпение выражает чаще всего чувство или действие со стороны испытывающего боль, насилие или другие формы негативного воздействия, то терпимость включает в себе уважение или признание равенства других и отказ от доминирования или насилия. *Терпимость – это свойство открытости и свободного мышления. Это – личностная или общественная характеристика, которая предполагает осознание того, что мир и социальная среда являются многомерными, а значит, и взгляды на этот мир различны и не могут и не должны сводиться к единообразию или в чью-то пользу.*

Толерантный подход, как и толерантная личность, предполагает, что те или иные позиция и взгляд лишь одни из многих и не могут включать в себя все остальные. Эта ситуация не зависит от состояния или обладания знанием, а в равной мере и от социальной и политической позиции. Толерантная позиция и толерантная личность способны или хотя бы готовы допустить это различие и быть сторонником плюрализма. Собственно говоря, сама

природа и проблема толерантности связаны с существованием различий и противоречий, а также возможностью конфликта. Но толерантность позволяет этой возможности не только не реализоваться, но даже и проявиться. *Будучи порождением потенциальной конфликтности, толерантность не позволяет реально существующим в каждом обществе явлениям неравенства, состязательности и доминирования проявиться в манифестных и насильственных формах.*

Толерантность не является универсальной категорией: ее содержание и границы, а также число адептов среди рядовых граждан и активистов социального пространства различаются не только в историческом аспекте, но и в зависимости от культурной традиции, состояния общества и многих других факторов. Другими словами, терпимость к инаковости не является вневременной категорией и биосоциальной характеристикой человека и общества. Это есть приобретаемая и намеренно культивируемая личностная установка и коллективная позиция как реакция и условие существования сложных обществ. Это есть показатель зрелости и жизненности человеческих коллективов, государственных и политических образований, а также международного сообщества в целом. Но было бы проявлением нетерпимости попытаться конституировать единое представление о границах толерантности. В одной культуре и политической традиции приемлемым может быть то, что в других условиях не допускается. В одной социальной ситуации человек способен демонстрировать высокую степень толерантности, в другой – он лишь обречен на терпение, не имея ресурсов, как материальных, так и эмоциональных.

Толерантность – не есть панацея от всех человеческих пороков и социальных болезней, ибо ей постоянно противостоит нетерпимость к инаковости, в том числе в ее агрессивных формах. Терпимость – это не вседозволенность и всепрощение; она должна заключать в себе и активное действие, особенно в отношении крайних форм нетерпимости. Толерантность может сохранять и защищать себя путем подавления манифестной нетерпимости. Но было бы упрощением сводить толерантность только к принятию комплиментарных позиций или “иной толерантности”. *Сила и смысл современного содержания этого понятия должны заключать в себе в том числе терпимость к нетерпимому, если последнее не имеет целью разрушить сами основы толерантности, а тем более если это нетерпимое не обладает властью и ресурсом реализовать свою установку путем нанесения явного ущерба личности и обществу. Подавление частных и “мягких” форм нетерпимости от имени и во имя утверждения толе-*

рантности может означать конец самой концепции и политики толерантности.

Толерантность находит свое выражение в двух основных сферах: на психологическом уровне – как внутренняя установка и отношение личности и коллектива и на политическом уровне – как действие или осуществляемая через закон и традицию общественная норма. Как установка, толерантность должна носить характер добровольного индивидуального выбора; она не навязывается, а приобретает через воспитание, информацию и личный жизненный опыт. Как действие, толерантность – это активная позиция самоограничения и намеренного невмешательства, это добровольное согласие на взаимную терпимость разных и противостоящих в несогласии субъектов. Толерантность в политическом действии предполагает или незамечание (игнорирование), или утверждение превосходства одной из сторон путем убеждения, дискуссии и завоевания на свою сторону через аргументацию и демократическую процедуру большего числа сторонников.

Толерантные установка и действие могут не совпадать в своих проявлениях на уровне личности и общества и даже иметь противоречивый характер на уровне одного человека. Мужчина и женщина могут быть адвокатами смешанных браков и расового равенства, но как родители оказаться неспособными принять брачный выбор своего сына или дочери из представителя другой расы или религии. В публичных (внешних) действиях человек, группа или политическая коалиция могут быть адвокатами и исполнителями проектов нетерпимости, но на уровне внутренней установки и частного действия демонстрировать противоположное.

Ключевым моментом в природе толерантности и в возможности ее осуществления является характер субъекта толерантности. Кто способен на толерантность как установку и как действие? Только образованные интеллектуалы, материально благополучные и те, кто обладает влиянием и властью, или здесь нет жесткой корреляции? Что такое толерантная личность и какие условия ее производят? Один из видных специалистов по данной проблеме так сформулировала необходимое интеллектуальное условие толерантности: “субъект толерантности должен достичь минимального предела умственной эволюции, которая позволяет биологически оформить концепт предполагаемого объекта толерантности”¹⁰. Это означает, что толерантный субъект не может быть примитивной личностью, но совсем не обязательно интеллектуальность усиливает и гарантирует толерантность. Нетерпимость, особенно в ее наиболее изоциренных и

доктринальных формах, чаще всего является результатом усилий интеллектуалов. Они же обеспечивают эмоциональную мобилизацию, производя риторику ненависти и поставляя рациональные аргументы для разных форм нетерпимости, включая насилие.

Поверхностные сочинения интеллектуалов и декларации политиков часто примитивизируют проблему толерантности, объявляя последнюю неким всеобщим свойством культуры одной какой-либо группы или народа, как бы распространяя это свойство на всех представителей этой группы и отказывая в таком же свойстве другим. Серьезная наука не установила факта толерантности одного народа и нетолерантности другого и не может разделять внешне привлекательную риторику о “традиционно русской” или “традиционно якутской” толерантности. *Толерантность – это не врожденное групповое или индивидуальное свойство, а постоянное и направленное усилие на конструирование и осуществление определенных личностных и общественных ценностей и норм поведения.* Общественная толерантность есть сумма индивидуальных толерантностей, когда личность культивирует в себе установку на самоограничение, согласие и сотрудничество и когда общество всячески поощряет эту установку, особенно через образование и целенаправленную педагогику толерантности. Как в свете этих общих подходов представляется ситуация в постсоветском пространстве, в том числе и в Российской Федерации?

ПОСТСОВЕТСКИЙ КОНТЕКСТ

Далеко не все вышеперечисленные формы нетерпимости проявились в манифестных формах на территории бывшего СССР. В силу более высокой степени расовой гомогенности населения и отсутствия традиции расовой сегрегации и апартеида в этом регионе мира нет открытых форм расизма и актов расового насилия. Тем не менее фенотипические различия, т.е. физический облик людей, оказывают влияние на культурные дистанции и межэтнические отношения. Этот фактор влияет на ужесточение этнических границ между группами населения и часто служит основой для формирования негативных стереотипов и актов дискриминации. Вариантом расовой нетерпимости можно считать широко распространившийся в средствах массовой информации и на бытовом уровне стереотип о “лицах кавказской национальности” как криминальных элементах и нежелательных чужаках. Это привело к ряду насильственных акций и столкнове-

ний между представителями славянских и кавказских национальностей в некоторых российских городах в прошлые годы.

На этой же основе осуществлялись незаконные действия в отношении части граждан местными, в том числе московскими властями. Однако в целом уровень межрасовой и межэтнической терпимости в России остается достаточно высоким, о чем свидетельствует большая доля смешанных браков, отсутствие пространный сегрегации в местах жительства, интенсивная личностная и трудовая коммуникация. Научные замеры этногрупповых установок в ряде республик подтвердили существование климата межэтнической толерантности и на личностном уровне, несмотря на сложную социальную ситуацию и воспаленную агитацию экстремистских элементов и групп¹¹.

Новая Россия не может быть отнесена к категории государств, где существует открытая дискриминация этнических и религиозных меньшинств. Все группы признаются государством, а вместе с этим их права на сохранение культуры и целостности. Большинство нерусских народов имеет высокий статус территориальных автономий в районах их основного расселения. В российских республиках обеспечиваются экономические, социальные и политические условия для воспроизводства культур и для обеспечения прав и запросов граждан, основанных на их принадлежности к той или иной национальности. В федеральных представительных органах власти в достаточной мере отражается сложный состав населения государства. Утверждение подлинного федерализма, в том числе в асимметричных формах, отражает толерантную природу самой доктрины государственного устройства Российской Федерации и ее конституционных основ. Идет сложный поиск новых законодательных норм, которые дополнительно гарантировали бы права граждан, принадлежащих к этническим, языковым и религиозным меньшинствам. В 1999 г. был принят федеральный закон “О гарантиях и защите прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” и была ратифицирована рамочная конвенция ОБСЕ “О правах национальных меньшинств”. Приняты законы и государственные программы относительно сохранения культурного многообразия в российских республиках, но они зачастую отражают озабоченности и полуутопические проекты местных этнонационализмов (адыгского, башкирского, бурятского и т.п.) наподобие репатриации всех соплеменников “коренной нации” на “историческую родину”.

В сфере культуры и образования сохраняются некоторые бесспорные достижения прошлых десятилетий, несмотря на трудности трансформационных процессов. К ним прибавились демо-

кратические по духу федеральные законы об образовании и об языке, особенно “Закон о языках народов Российской Федерации” 1991 г. вместе с последующими важными поправками 1998 г. Согласно последнему закону, “государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия”¹². Законодательная база России в области этнокультурных, религиозных и языковых прав выгодно отличается от законодательства и реальной практики в других постсоветских государствах¹³.

Несмотря на сравнительно низкий уровень материальных условий жизни, Россия, как и большинство других постсоветских государств, не могут быть отнесены к регионам массовой социальной депривации, которая служит питательной почвой и одной из главных причин для проявлений нетерпимости и насилия. В этих обществах сохраняется высокий уровень социальной эгалитарности, отсутствуют явления массовой бедности (за исключением некоторых сельских районов государств Центральной Азии) и действуют системы социального обеспечения и гарантий. В тоже время инерция коммунистической доктрины и существовавшей социальной практики, основанной на примитивном коллективизме и отрицании значимости личности, продуцируют в условиях переходного периода нетерпимость к здоровому индивидуализму, частной собственности и предпринимательству, личному успеху и преуспеванию. Многие граждане, особенно представители старших поколений и других уязвимых групп, оказались психологически и материально не готовы к восприятию радикальных перемен, а вместе с ними – и новых ценностей и возможностей. Это вызывает отчуждение и недовольство значительной части общества, провоцирует манифестные формы социального и политического поведения, вызывает состояния депрессии, отчаяния и ненависти. Результатом становятся обостряющиеся межпоколенные отношения, акты осуждения и даже подавления частного успеха, отразившиеся в негативном понятии “новые русские”.

В свою очередь сторонники либерализации и глубоких общественных реформ, в том числе и властные структуры, столкнулись с трудноконтролируемой проблемой обеспечения гармоничного управления. Толерантность и радикальные изменения оказались во многом несовместимыми: первая основана на признании и невмешательстве; вторые – на отрицании статус-кво и утверждении нового и иного. Преуспевающие в бизнесе оказываются неспособными к самоограничению, гражданской солидарности и уважительности к другим. Получившие власть демонстрируют нетерпимость к своим предшественникам, личную

алчность и нескромность. Освобожденная от политического контроля культура и информация не смогли столь быстро сформировать этику самоограничения и толерантности, уступая штампам насилия и другим формам коммерческого примитива. Особенно деструктивную роль играют средства массовой информации, не имеющие общеразделяемого этического кодекса, играют в освещении войны в Чечне, когда усилиями части журналистов произошла героизация сторонников насильственного захвата власти.

В стране сохраняются негативные последствия политики прошлых режимов в отношении недоминирующих групп и меньшинств, а также появились новые проблемы в результате экономической и политической либерализации и геополитических изменений. В многоэтничной России пока не утвердилась наиболее приемлемая и прогрессивная доктрина политики культурного плюрализма. Государственные бюрократия и экономика, а также агрессивное молодое предпринимательство игнорируют интересы и права малых групп, проживающих в сложных экологических условиях и сохраняющих традиционные системы жизнеобеспечения. Общегосударственные информационные и образовательные системы недостаточно отражают культурное многообразие народов России и установки на толерантное восприятие различных традиций и ценностей.

Наиболее серьезным вызовом для России и ряда других постсоветских государств является этнонационализм в его радикальных и нетерпимых проявлениях. Так называемые национальные движения в мирных политических и культурных формах среди народов бывшего СССР сыграли и продолжают играть важную роль в утверждении децентрализованных форм государственного устройства и управления, в сохранении и развитии культурной целостности и отличительности больших и малых народов, в росте общественно-политической активности граждан. Но этнический фактор в ряде случаев стал основой для формулирования программ и действий, а также для пропаганды идей и установок, которые провоцируют нетерпимость, вызывают конфликты и насилие.

Национализм малых народов, будучи реакцией на перенесенные в прошлом травмы и приниженный статус нерусских культур, в условиях социального кризиса, политической дестабилизации и слабой модернизации населения часто обретает агрессивные формы. Это проявляется в попытках узурпировать власть и престижные позиции в пользу представителей одной этнической группы, изменить демографический состав населения путем насильственного изгнания этнических “чужаков”, изменить адми-

нистративные или межгосударственные границы, осуществить явочную сецессию, в том числе силой оружия. Вместо улучшения правления и социально-культурных условий жизни крайний национализм предлагает внешне простые, но по сути нереальные решения, попытки осуществить которые вызывают межгосударственную напряженность и конфликты. В Нагорном Карабахе, Абхазии и Чечне это стало одной из главных причин наиболее жестоких войн на территории бывшего СССР.

Не меньшую угрозу демократическим преобразованиям и социальному миру представляет и растущий национализм гегемонистского типа, формулируемый от имени численно доминирующих народов. В России русский национализм пытается обрести статус общегосударственной идеологии, присвоить идею общероссийского патриотизма и подменить формирование общегосударственной идентичности все тем же нереализуемым лозунгом самоопределения русской этнонации. Экстремистские группы и лица все чаще пропагандируют идеи фашистского толка, антисемитизм и пренебрежение к меньшинствам. Экзальтированная риторика о “вымирании” или “расчленении” русской нации служит узко политическим целям и серьезно осложняет как общественно-политическую ситуацию внутри страны, так и ее отношения с соседними государствами. Эта форма национализма также обусловлена социальным кризисом, политико-идеологической дезориентацией и воздействием негативных последствий геополитических трансформаций, но от этого она не становится менее опасной.

По причине низкой гражданской культуры, отсталого общественно-политического и мало профессиональной политики общество и государство в России не смогли предложить адекватные ответы на вызовы национализма и экстремизма. Небольшевистский менталитет российской интеллигенции, продолжающей играть гипертрофированную роль “инженеров человеческих душ”, оказался способным предложить все ту же стратегию бескомпромиссности, разоблачений и подавления по отношению к проявлениям экстремизма. Или, наоборот, радикально-демократическая интеллигенция романтизировала и солидаризировалась с манипулируемым амбициозными лидерами вооруженным сепаратизмом, представляя его легитимной формой народного волеизъявления и самоопределения. Обе реакции провоцируют защитную агрессивность, неоправданное паблисити для маргинальных групп и психопатических личностей, способствуют рекрутированию новых последователей и активистов экстремизма. *Нетолерантность к нетолерантности порождает новую нетолерантность.*

Государство, создаваемое гражданами для обеспечения социального согласия и преуспевания, также не смогло в сложных условиях экономических преобразований, смены идеологий и политических элит предложить эффективную политику в сфере регулирования межэтнических отношений. Вместо формулы “единство в многообразии”, поощрения местных инициатив и самоуправления, поддержки территориальной и культурной автономии центральные и регионально-республиканские власти продолжают тратить основной энтузиазм на “раздел и делегирование” полномочий, на выработку верхушечных и заведомо неэффективных государственных программ “поддержки и развития” народов и культур.

Государство продолжает делить своих граждан по национальности. Не устранена советская практика определения личностью этнической принадлежности только по кровному принципу. Эксклюзивная принадлежность гражданина России к той или иной культуре усугубляется жесткой связью с официальными категориями “своей” или “не своей” территории и государственности. Поддержка культурного многообразия на коллективном и индивидуальном уровнях и утверждение бесспорного приоритета гражданского начала и прав личности заменяются делением людей по принадлежности к неким коллективным телам под названием “этноты” и наделением их правами в зависимости от этой принадлежности. Это ведет к межличностной и межгрупповой напряженности, к нетерпимости и отчуждению.

С момента чеченского кризиса в России, а еще ранее – в странах Центральной Азии и Закавказья, а также в Молдове утверждается опасная доктрина легитимного права государственной власти на применение насильственного принуждения, в том числе путем использования армии без надлежащей системы правового и общественного контроля. Легитимное право государства отправлять насилие облегченно трактуется как право должностного лица или лиц масштабно использовать оружие сугубо в политических целях или для подчинения вооруженных групп и самопровозглашенных местных режимов.

Вместо политики убеждения, переговоров, изоляции и ограничения доступа к оружию часто делается ставка на бескомпромиссный диктат и победоносную войну. Как правило, это имеет результатом эскалацию насилия, ужесточение конфликта, массовые жертвы и разрушения, потоки беженцев. Все это сопровождается попытками дегуманизировать противника, распространением чувства ненависти среди населения, нарушением всех норм ведения войны, позорными явлениями мародерства и заложничества. Цена, заплаченная за использование властями государст-

венного принуждения путем оружия, оказывается несоразмерной декларируемым целям, а сами эти цели, как правило, оказываются недостижимыми. В этой связи напомним высказывание Бертрана Расселла конца прошлого века: “Утверждение свободы казалось достаточно благородным мотивом, чтобы оправдать насилие. Насилие, когда пришло время, появилось, однако свобода была утеряна где-то по ходу дела”. Такой вариант не исключен и для посттоталитарных обществ.

Вооруженное государственное насилие перерастает в межгосударственные войны или порождает очаги и районы партизанского сопротивления. Эти ситуации становятся объектом геополитических спекуляций, осложняют международную ситуацию, ухудшают внешний имидж постсоветских государств, дают повод для возрождения в мире менталитета и политики времен холодной войны.

В постсоветской политической традиции произошел радикальный прорыв из сферы унитарной идеологии и практики нетерпимости к политическому плюрализму и духовной свободе. Сегодня Россия и большинство других новых государств не могут быть отнесены к странам, где имеют место притеснения свободы слова и интеллектуальной деятельности. Однако политическая либерализация столкнулась с проблемой политической нетерпимости. Отсутствие культуры самоограничения, консенсуса, ответственного гражданского поведения, подчинения закону порождают агрессивную риторику и межличностную вражду в сфере политики. Недостаток толерантности в политике затрудняет строительство партийных коалиций и нормальное осуществление демократических процедур. Политический стиль нетерпимости и низкая мораль политиков, включая коррупцию и правовые нарушения, лишь отчасти обусловлены прошлым наследием и недостаточным социальным уровнем жизни. Современная политическая нетерпимость – это и результат недостатка опыта и просвещенности, непонимания, что демократия имеет свою цену и издержки, к которым необходимо также терпимое отношение. Постсоветские политические и духовные свободы оказались неспособными принять весь спектр возможных взглядов, убеждения и отношений среди людей и в обществе в целом.

Что касается проблемы религиозного экстремизма, то его проявления не получили распространения в большинстве постсоветских государств хотя бы по причине длительного периода подавления религии вообще и формирования целых поколений неверующих граждан. Лишь в редких случаях религиозный фактор в его экстремистских формах используется в целях политической мобилизации. В этом ситуация радикально отличается от ситуа-

ции в таких странах, как Индия или даже Югославия. Но остается проблема возвращения достойного статуса церкви как общественного института и уважения чувств и потребностей верующих. И это одно из важных направлений утверждения культуры мира.

Более того, все мировые религии и верования заключают в себе большой потенциал терпимости и тем самым являются естественными союзниками толерантности. Возвращение религии в постсоветские общества может способствовать развитию чувств и установок на терпимость и ненасилие. Но опасность представляют наметившиеся тенденции со стороны последователей какой-то одной религии и служителей одной церкви обрести статус исключительности или официальности как на общегосударственном, так и на республиканском уровнях. В многоконфессиональной России государство может быть только светским, а возрождение религии возможно только на основе межконфессионального диалога и сотрудничества, как бы ни были трудны материальные условия церкви, мечети и дацана и как бы ни была сильна между ними конкуренция за новых прихожан.

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРЫ МИРА

Переход обществ от тоталитаризма к демократии будет неизбежно сопровождаться сложными проблемами толерантности старого к новому и нового к старому. Противоречия и конфликтные формы развития неизбежны для посткоммунистического мира. Глобальный контекст, выраженный в разных формах соперничества, в инерции холодной войны и в быстрых геополитических трансформациях, также не способствует социально-политической стабильности и климату согласия. Уже состоявшиеся войны и конфликты, а также их последствия – жертвы, беженцы и разрушения делают еще более сложным демонтаж старой и новой ненависти и нетерпимости. Однако политике толерантности и утверждению культуры мира нет альтернативы в посткоммунистических обществах. Для их осуществления необходимы начальные условия, современное знание об обществе и проблеме толерантности; основанная на этом знании ответственная экспертиза и рекомендации, гражданская установка и политическая приверженность политике согласия и терпимости, материальные ресурсы и внешняя поддержка принципов и политики толерантности.

Имеется ряд общественных сфер и направлений политики толерантности, а также конкретных механизмов и программ ее осуществления. В *социальной сфере* необходимо руководствоваться

фундаментальным принципом права человека на справедливый социальный порядок и обязанностью государства обеспечивать приемлемые условия социального существования для всех граждан, стремиться к их материальному благополучию. Крупномасштабные трансформации форм собственности и хозяйствования не должны сопровождаться резким и массовым снижением уровня жизни, демонстрационной социальной стратификацией, маргинализацией групп населения и их социально-профессиональной дезориентацией.

В рамках программ развития и реформ должны быть сохранены гарантии против безработицы, и резкого контраста между бедностью и богатством, явных диспропорций в положении регионов, территориальных и этнических групп и общин. Поощрение успешных индивидуальных и кооперативных проектов и предпринимательства будут способствовать сохранению культурного многообразия, социальному миру и устранению причин недовольства, ненависти и насилия, а также последствий этого насилия.

Реформы и переход к рыночным отношениям уже привели к принижению статуса женщин как участников процесса становления собственников, к увеличению числа детей, не посещающих школу, к лишению денежных накоплений и даже имущества наиболее уязвимых групп населения. Это вызывает межгрупповую и гендерную напряженность и представляет собой одну из форм проявления нетерпимости на коллективной основе.

От советского времени обществу досталось пренебрежение к инвалидам, остракизм лиц с физическими или умственными ограничениями, отсутствие социальных мер и законов, обеспечивающих возможно равный статус этих групп населения и терпимое к ним отношение. Радикально изменить ситуацию возможно путем выделения ресурсов и социальной работы среди населения. Гуманное отношение к уязвимым и нуждающимся членам общества есть наиболее эффективный путь утверждения климата толерантности.

В сфере *государственного устройства и управления* в сложных по составу населения государствах бывшего СССР важное значение имеют объединяющие доктрины и ценности, построенные на приоритете гражданских начал и прав человека и недопускающие приоритеты этногрупповой и исключительности. Россия и другие постсоветские государства могут состояться как жизнеспособные гражданские нации только на доктрине многокультурности и плюрализма. Государственные устройства и политические институты должны отражать и гарантировать региональное и культурное разнообразие населения, а также террито-

риальную и социально-экономическую целостность отличительных групп, в том числе через механизмы федерализма и децентрализации власти.

В Российской Федерации и в других посткоммунистических странах следует принять и эффективно исполнять законы, предотвращающие дискриминацию по полу, этнической и религиозной принадлежности, а также обеспечивающие права граждан, принадлежащих к различным меньшинствам. В то же время сама доктрина меньшинств и некоторые международно-правовые нормы не могут быть механически перенесены и применяться на территории бывшего СССР, где, с одной стороны, уже достигнут более высокий статус коллективного внутреннего самоопределения, а с другой – крупные старожильческие группы населения справедливо требуют равнообщинного статуса и не приемлют сами понятия и статус меньшинств.

Правительства способны разработать сильные политические программы по предотвращению и противодействию всем формам ксенофобии, межгрупповой ненависти, экстремизма. Эти меры могут включать не только механизмы судебного-правовых ограничений и наказаний, но стратегию игнорирования, изоляции и ограничения публичности для экстремистских групп. Будет ошибкой повторять советскую практику преследования инакомыслия, которая в условиях демократии и социально-политических кризисов может вызвать обратную реакцию неоправданной мобилизации и придания значимости сторонникам ненависти и нетерпимости.

Органы государственной власти обязаны осуществлять меры воздействия и наказания инициаторов и исполнителей насилия, особенно этнических чисток и вооруженных погромов. Ни российские, ни власти других государств пока не справились с этой задачей, а виновники обретают сомнительную славу среди манипулируемых соплеменников, сохраняют высокие посты, пользуются покровительством высших лиц государства.

Важная специфика постсоветского пространства – это ослабленный контроль за арсеналами оружия, которое позволяет превратить нетерпимость и вражду в открытое насилие и войну. Именно фактор попадания оружия, в том числе тяжелого, в руки безответственных политиков и маргинальных элементов позволил организовать войну, конфликты и чистки на территории России и других стран. Требуется осуществить неотложные и совместные меры по контролю за доступом оружия гражданскому населению и по его изъятию.

Следующее обстоятельство, порождающее нетерпимость, – это безнаказанность и бесконтрольность лидеров, их низкая мо-

раль и правовая культура. Советский управленческий стиль раз- носов и человеческого унижения продолжает публично демон- стрироваться с заседаний самого высокого уровня, в повседневных общениях чиновников, а также в более широкой сфере служеб- ных отношений начальников и подчиненных.

В сфере *образования и культурной политики* интеллекту- альная элита совместно с соответствующими органами власти и общественными организациями должны разработать простые и привлекательные принципы педагогики толерантности, рассчи- танные на все слои общества и возрастные группы, а также пред- ложить учебные тексты и программы как для аудиторий обуче- ния, так и для средств массового воспитания, включая информа- ционные институты¹⁴.

Большинство классных комнат в России и других странах се- годня представляют микрокосмос культурного многообразия своих сообществ и поэтому нуждаются в новых педагогике и со- держании образования, отражающих знание культур и истории других народов, а также понимание общности и единства челове- ческих сообществ. Важно прививать молодым поколениям чувст- ва открытости, альтруизма, уважения к другим, солидарности и сопричастности, раскрывать источники и опасности враждебно- сти, неприязни, отчуждения и ненависти.

Ученые и практики образования призваны понимать и нау- чить различать симптомы нетерпимости на их ранних стадиях и в неявных формах: это – оскорбительная и пренебрежительная лексика, унижающая людей другой культуры, религии или пола; это – использование негативных стереотипов и обобщающих предубеждений; это – поведенческий остракизм и изоляция; это – коалиции и группировки, построенные по избирательному прин- ципу. Такие явления нуждаются как в открытых осуждениях, так и в настойчивой и умелой профилактике.

Ответственные лица, социальные работники и общественные активисты должны энергично реагировать на опасные проявле- ния нетерпимости в обществе, в том числе в местных общинах, и принимать эффективные меры против таких актов, как пресле- дования и запугивания с целью выживания с места жительства или изгнания из организаций и групп, осквернение чужих религи- озных и культурных символов и сооружений, насильственное из- гнание.

В условиях таких новых явлений, как массовые перемещения людей и беженцы, необходимо проводить разъяснительную ра- боту среди местного населения о характере новожителей, а сре- ди мигрантов и беженцев разъяснять местные традиции и обяза- тельность их соблюдения.

В систему школьного и высшего образования, а также в тематику гуманитарных исследований следует ввести исторические экскурсии и оценки вражды и нетерпимости в мире. Школьники и студенты должны знать историю геноцидов, расовых и этнических конфликтов, религиозных войн, сегрегации. Однако недопустимы гипертрофированные, обретающие сакральную форму интерпретации только собственного народа или группы как жертвы и страдальца в результате действий других народов. Такая односторонняя проекция вызывает нетерпимость и вражду, ограничивает установки на межкультурные взаимодействия.

Педагогика толерантности должна учить умению анализировать местные ситуацию, обстановку в собственной школе и классе, в семье, а также способности к критическому самоанализу, предлагая как общие процедуры, так и конкретные меры и приемы реакции на нетерпимость и пути ее устранения или нейтрализации.

В современную систему обучения и воспитания необходимо включить курсы, разъясняющие природу прав человека и формы проявления нетерпимости. Желательно, чтобы каждый гражданин узнал как можно раньше, что означают понятия *расизм, антисемитизм, фашизм, ксенофобия, сегрегация, этнические чистки, дискриминация по полу, религиозные преследования*. Это знание должно сопровождаться изучением местных ситуаций и их оценкой в свете международно-правовых норм и национального законодательства.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕГО СОГЛАСИЯ

В современном взаимосвязанном мире терпимость и согласие не могут существовать на уровне изолированных обществ: экономические и гуманитарные связи, геополитические интересы стран и международных корпораций, миграции людей и диаспоры, войны и конфликты, культурно-информационный диалог – все это определяет своего рода глобальный и региональный климат для осуществления программы “культура мира”, а также некоторые общие подходы и нормы утверждения терпимости и согласия. Определенные приоритеты и даже требования формулируются международными и региональными организациями государств, неправительственными организациями, уже существующими международными документами и правовыми нормами. В последние годы ООН, ЮНЕСКО, Европейский союз, ОБСЕ и другие структуры и движения внесли большой вклад в разработ-

ку этих общих подходов и рекомендаций. Постсоветские государства, в том числе и Россия, становятся частью этого важного процесса.

После длительной изоляции и конфронтации сегодня имеются все основания и потребность вовлечения этого региона мира в общие усилия по утверждению согласия и сотрудничества между народами и государствами. Благоприятный климат и внешняя поддержка трудных трансформаций тоталитарных обществ в демократические – есть обязательное условие для деятельности сторонников открытости и терпимости в России и в других странах бывшего СССР. В свою очередь, новая изоляция и “холодный мир” дают шансы противникам демократизации и пропагандистам гипотетических “заговоров против России” для распространения подозрительности и враждебности к внешнему миру. В постсоветских обществах внутреннее согласие и культура мира могут утвердиться только при условии внешнего содействия процессу открытости, развития всевозможных контактов и донесения гражданам информации о более широком и разнообразном мире. Ряд полезных программ по утверждению демократии и гражданского общества в России уже был осуществлен с помощью европейских институтов, международных фондов и благотворительных организаций, несмотря на критическое отношение к этой деятельности со стороны части российского общества.

Переход к демократии требует соединения двух начал – национальных традиций и отечественного опыта культурных взаимодействий с международными нормами и более полным знанием о внешнем мире. Материальная поддержка, квалифицированная правовая помощь и другие экспертизы, образовательно-информационные программы и иные формы содействия со стороны мирового сообщества, особенно развитых государств Запада, необходимы и будут приветствоваться политиками и населением России.

Терпимость и согласие в России требуют терпимости и по отношению к России, и прежде всего понимания внутренней ситуации и настроений ее граждан. Демократия и основные принципы программы “Культура мира” не могут утвердиться через верхушечные декларации и в короткий срок. Возможны рецидивы и реванш прошлого в самых разных формах, включая ностальгию по старым порядкам единоначалия и по бывшему СССР. Как бы ни был труден путь к утверждению нового общества, недопустимы, в свою очередь, реванш со стороны бывших приверженцев холодной войны и той части диаспор, которые инвестировали в прошлом свои эмоции и жизненные силы в борьбу с коммунизмом, и сегодня они с большим трудом принимают неконфронта-

ционные реалии. Есть влиятельные элементы и на Западе, которые хотели бы объявить, что “конец холодной войны также закончился”.

Довольно часто западная политика и средства массовой информации формируют образы новых угроз и создают неоправданно негативные стереотипы среди населения в отношении России. Громкие кампании по поводу “русской мафии”, “русского фашизма”, ядерной контрабанды и т.п. вызывают среди западной общественности реанимацию страха и недоверия, отрицательно влияют на развитие гуманитарных контактов.

Постсоветский мир остается во многих аспектах изгоем в системе мирового сообщества, объектом снисходительного отношения, двойных стандартов и даже попыток диктата. Испытываемый в мире недостаток терпимости и уважения к России может помешать утвердиться терпимости и самоуважению в самой России. Тогда действительно может снова наступить время надменности силы и конфронтаций.

СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Данный исследовательский сюжет возник у меня сравнительно недавно, но он несомненно связан с темой толерантности. Начало 1999 г. в России было отмечено явлением, которое ведущая новостей НТВ Татьяна Миткова квалифицировала как “новая волна антисемитизма в России”. В тот момент это выражение относилось к дням многократного цитирования на экране заслуживающего, на мой взгляд, уголовного наказания публичного антисемитского высказывания депутата Госдумы А. Макашова. Никто не указал журналистам, что подобное тиражирование преступной фразы есть тоже преступление. Просто мало кто профессионально знаком с тем, что такое экстремизм и каковы методы противодействия ему в зрелых обществах. В этом меня убедило и участие в заседании Комиссии по противодействию политическому экстремизму при администрации Президента США, которое состоялось в начале февраля 1999 г. Подготовленный проект доклада и его обсуждение, несмотря на важные положения и предложения к действию, страдали недостаточным пониманием проблемы и незнанием уже имеющегося опыта в других странах. Поверхностные дебаты экспертов и неточные заявления политиков обескураживают, хотя речь идет о сложном и очень тревожном явлении.

Экстремизм – это форма радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны

отдельных лиц или групп. Его причины лежат в социальной дезориентации части граждан, их недостаточном образовании, кризисном состоянии общества, слабых институтах общественного контроля и неэффективной правовой системе. Некоторые формы экстремизма имеют исторические корни, что никак не служит его оправданию. Экстремизм характерен для слабомодернизированных обществ, но от него не застрахованы и страны с благополучной жизнью и демократическим правлением. Достаточно сказать, что в США действует около 500 экстремистских групп, главным образом неонацистского, антисемитского и так называемого сепаратистского характера. Плата за демократию, точнее, за право на свободу слова, в этой стране столь велика, что некоторые неонацисты могут десятилетиями заниматься на территории США распространением своей пропаганды по всему миру и подвергнуться аресту только, например, когда оказываются на территории Германии, где действуют более жесткие законы. В то же время в этой стране действует общественный мониторинг за подобными группами, а власти могут решительно спалить целую общину, которая занимается псевдорелигиозным изуверством, отрицая общество и государство. Правда, в ответ могут появиться новые фанатики-экстремисты и устроить взрыв, подобный знаменитому взрыву в Оклахоме в 1996 г.

Экстремистские организации, в основном антииммигрантского и неонацистского толка из числа городской молодежи (так называемые скинхеды – бритоголовые) действуют в европейских странах, в том числе казалось бы в спокойной и сытой Скандинавии. Ультраправые партии и организации, действующие постоянно на грани нарушения закона и норм общественной морали, имеются почти во всех странах, где есть минимальная свобода общественных организаций. Таковых, пожалуй, только нет в странах с диктаторскими и авторитарными режимами, но там право на экстремизм узурпировано самим режимом, как это было и в Советском Союзе. В России современные формы антисистемного экстремизма появились с утверждением основ демократического правления, и это есть в какой-то мере тоже результат демократии.

В России нет достаточного опыта противодействия экстремизму и уже совершено много ошибок и глупостей по этой части. Тем не менее делать это можно и нужно без всяких ссылок на состояние дел в стране и умонастроения населения. Хорошая жизнь не есть гарантия исчезновения экстремизма. Наоборот, может появиться больше материальных возможностей для экстремистской пропаганды и деятельности, как это имеет место в США, где Интернет прочно оккупировали разного рода ультра-

правые, а свою продукцию печатают на роскошной бумаге. Да и в России, пока юнесковская программа “Культура мира” готовила свои рекомендации для общественного потребления, у других нашлись средства, чтобы рассовать по почтовым ящикам бесплатно книгу антисемита Корчагина “Еврейская оккупация России”. На противоположную литературу в обществе ума и средств не хватает.

Для эффективной стратегии противодействия необходим более точный диагноз самого явления, ибо у него есть особенности в каждой стране. В России нет столь сильного распространения религиозного экстремизма, как, например, в Японии и Индии. Нет откровенно антииммигрантских экстремистских групп, как, скажем, в Германии или Швеции. В России широко распространяется экстремизм ксенофобского толка, основанный на этнической нетерпимости, а также политический экстремизм неофашистского толка, который зиждется на идеях группового неравенства и отторжении культурных различий, на пропаганде тоталитарного порядка и ненависти. Именно эти формы имеют достаточную почву и наиболее опасны для страны с многоэтническим и многорасовым составом населения. Хотя расизм может существовать и в обществах, где нет особого расового многообразия. Экстремисты придают расовый смысл даже малейшим и воображаемым внешним различиям граждан. Так, например, клише “лица кавказской национальности” и все, что из этого проистекает мерзкого, в том числе и задержания милицией лиц с темными волосами, это есть расизм, в отправлении которого, к сожалению, участвуют и представители власти.

Формой расизма и ксенофобии является и антисемитизм – враждебная пропаганда и действие в отношении представителей еврейской национальности или в отношении еврейского народа и культуры в целом. В СССР антисемитизм существовал больше на государственном уровне. В современной России от этого удалось почти избавиться, но антисемитизм перекочевал на общественно-политический уровень и оказался в арсенале не только маргинальных групп, но и заметных политических сил и экспертных групп. Хотя со времен Горбачева авторитетные службы общественного мнения фиксируют снижение антисемитских настроений в обществе (отчасти их заменили антикавказские фобии), а случаев физического насилия при радикальном ослаблении правопорядка также не фиксируется (за исключением взрыва московской синагоги и надругательств над еврейскими захоронениями), тем не менее ситуация последнего времени стала ухудшаться. Отчасти – по причине резкой актуализации этой проблемы, а значит, и ее пропаганды (хотя и в форме отрицания

и осуждения), через средства массовой информации. Многие журналисты никогда не согласятся, что именно они могут стать причиной “новой волны”, но это так. Ибо акт речи способен вызывать реальность, а тиражированные слова могут стрелять сильнее пули.

По этой причине *важнейшей стратегией противодействия экстремизму призвана быть политика отказа в публичности*. На экранах телевизоров и в печати не должны появляться и цитироваться не только теоретики и активисты экстремизма, но и сообщения на эту тему необходимо строго дозировать, придавая им целенаправленный характер без пересказа аргументов и показа “как это можно делать”. В большой стране всегда найдутся параноики и неустойчивые элементы, которые воспримут теледемонстрацию парада баркашовцев в Москве, как приглашение к подобному действию. Если трансляции истории с Макашовым и с баркашовцами увеличили, а не уменьшили число их сторонников в стране (а это наверняка так и есть), тогда мое замечание в адрес СМИ и предложение являются беспспорными и с ними следует согласиться.

В доказательство приведу еще один давний пример: громкий суд над активистом “Памяти” Осташвили помог этой организации удвоить свои ряды, хотя покойный Осташвили скорее всего нуждался в медицинской помощи психиатра. Среди экстремистов гораздо больше клиники, чем среди остального населения. И об этом тоже нужно знать. На уголке ораторов в лондонском Гайдпарке добрая половина выступающих – это пациенты психиатров, но они там гужуются без права публичных трансляций своих слов уже целое столетие, если не больше. Что еще прибавить к этим аргументам, чтобы известные журналисты, как Павел Лобков, не гонялись с микрофоном за Макашовым?

Следующей стратегией противодействия является *образование и просвещение граждан в области культурного многообразия и единства жителей страны, истории нетерпимости, геноцида и других преступлений, которые принес людям экстремизм*. По этой части у нас дела обстоят неважно. Иступленный поиск культурной уникальности, “национальных” характеров и психологий, глубоких исторических корней и “исторических несправедливостей”, внешних врагов приводит к ужесточению разделительных линий между гражданами одного государства. Хорошие, но недостаточно образованные журналисты, как Игорь Воеводин, ищут по России “исчезнувшие” или “вымирающие” народы и заставляют невинное дитя, который хочет быть “ленинградцем”, выучивать перед телекамерой, слова “я – русский”.

Российский народ имеет гораздо больше общих культурных и исторических ценностей и социальных норм, чем различий между гражданами по причине их этнической принадлежности. Уровень повседневного взаимодействия людей в многоэтнических сообществах и коллективах (включая профессиональные и семейно-родственные) на порядок выше, чем среди представителей политических и интеллектуальных элит, которые никак не могут даже выговорить слово “российских народ” и “россияне”. А уж чеченцы для них – это вообще этнографический реликт с некими военной демократией, тайповой (родо-племенной) социальной организацией и законами адата и шариата. Хотя современные чеченцы жили и живут по тем же советским и российским законам и носят российские паспорта, не желая их обменивать на какие-либо другие.

Экзотизация этнических общностей и придание этничности фундаментального характера чреваты дальнейшей разобщенностью граждан. Именно это создает основу для стереотипов и ксенофобии. Если в части российских школ детей начинают учить прежде всего тому, что значит быть “настоящим якутом” или “настоящим татаринном”, и ни слова о том, что значит быть россиянином и ответственным гражданином своей страны, такая национальная система образования является несостоятельной. У нас же до сих пор живет советское клише, по которому “национальная школа” – это не общероссийская, а “адыгейская”, “башкирская”, а теперь и “русская” и т.д.

В некоторых школах стала использоваться нарядно изданная книга М.Ф. Альбедиль “Народы мира” (1997), в которой излагаются питающие расизм взгляды и представления. Глава “Какого цвета бывают народы” содержит, к примеру, такой вопрос: “определите свой расовый тип”, и подобную чепуху. Современная наука отказалась использовать расовую типологию для изучения и описания биологического разнообразия людей. Тем более – народы не имеют расового типа. С этого разглядывания школьниками друг друга и начинается расовое мышление, а вслед за ним могут формироваться расистские взгляды. Школьные и вузовские программы и тексты за последние годы пополнились паранаучными положениями и ненавистническими интерпретациями прошлого¹⁵. В одном городе или даже школе учебники истории в зависимости от языка могут содержать противоположные версии событий, восхвалять или, наоборот, клеймить одних и тех же культурных героев. К этому добавляется зуд сносить или восстанавливать памятники, переименовывать улицы, менять символику. Только лишь бы обозначить “свое” исключительное, а не общее – будь оно славным или трагическим.

Образование, не только молодежи, но и взрослых, должно включать точную и подробную информацию об истории мировых геноцидов, антисемитских погромов и сталинских репрессий, однако не позволять превращать прошлую коллективную травму в предмет сакрального значения и питать идеи реванша и “исправления прошлого” за счет новых несправедливостей. Современный экстремизм питается не только прошлым, но и новыми мифами и политическими спекуляциями. Одна из них – намеренно апокалиптическая оценка жизни и событий в стране за последние годы в целях борьбы за власть. От Явлинского до Зюганова, а также каждому новому правительству не может быть признаны очевидные позитивные перемены, которые произошли в России.

Стараниями политиков и плохих обществоведов в стране царит риторика жалоб, разжигающая ненависть и экстремизм. Ненависть нуждается в адресате и его находят в “евреях”, “кавказцах”, “антипатриотах”, “западниках” и прочее. Некому высказать спокойные и точные оценки и некому вселять в людей конструктивные эмоции. Эмоции, как и слова, являются огромной силой. Если их цель пробудить энтузиазм для достижения нового результата, то они действуют против экстремизма. Эмоции, направленные на наказание за что-то, на борьбу с врагом, – это уже один шаг до радикального экстремизма, в том числе и насилия.

Следующая стратегия – это общественный мониторинг экстремизма, его профилактика и нейтрализация на низовом уровне. Если в классе учителя не реагируют на обидные клички этнического содержания, появившиеся среди детей и подростков, и не знают, как этому противодействовать, то это плохо. Если родители или преподаватели училища не замечают и никак не реагируют, что молодой человека сбрил волосы на голове и стал носить черную одежду, а у его кровати появились портреты разных фюреров, то это уже очень плохо. Если взрослые жители и общественные организации не могут остановить появление на улице молодежных групп со свастикой и спокойно смотрят, как у их дома продают расистскую литературу, то это уже беда. Если чиновники или другие владельцы помещений сдают их для собраний подобных групп, а типографии готовы печатать все, за что платят, то это есть соучастие в преступлении.

Общество само должно мобилизовать свои ресурсы на противодействие экстремизму, понимая, что его жертвами будут не евреи, цыгане, азиаты и прочие, а все граждане. Для этого нужны не столько разовые акции в роде антифашистских конгрессов, а массовые и одиночные действия самого низового характера.

Нельзя проходить мимо нарисованных свастика без активной реакции, а тем более бояться подать в суд или выступить экспертом по делам против разжигания розни и оскорбления достоинства. В России мало общественных советов и групп, которые бы квалифицировано вели подобную работу. Только в Москве действует фонд “Панорама” и издается журнал “Диагноз”, но им нужна поддержка и профессиональная помощь, чтобы не устраивать дополнительную рекламу экстремистам, роскошно публикуя их биографии, программы и адреса.

Профилактика и нейтрализация экстремизма нуждаются в поднятии моральной планки по поводу того, что допустимо и что нет в обществе, когда речь заходит об этнической или религиозной принадлежности и практике граждан. Недопустимо было для газеты “Известия” десять лет тому назад сообщать о ходе первого судебного процесса с участием присяжных, называя фамилии судьи, прокурора и подсудимых, но указывая при этом национальность только последних участников процесса – цыгане. Я жалею, что тогда не подал судебный иск на газету за разжигание национальной розни, ибо только наша общая атрофия восприятия этнорасовых сюжетов могла допустить подобное. Это мог бы быть полезный урок, причем не столько уважаемым “Известиям”, сколько другим газетам, которые со временем стали спокойно помещать материалы и заголовки типа “Цыгане убили детей”, “Неустановленные лица кавказской национальности застрелили банкира” и т.п.

Поднять планку должно прежде всего само общество, его элита, экспертное сообщество. Ведь прежде чем некто Шишкин в профашистской газете начинает разъяснять антисемитские басни про разные “ксении” и “химеры”, которые проникают в тело этноса и пожирают его, все это миллионными тиражами уже издано и продолжает издаваться в трудах Льва Гумилева. Почти вся экстремистская литература прибегает к ссылкам на более солидные издания и авторов, у которых часто те же аргументы, но только в псевдонаучных формах¹⁶. Нужны серьезные разговоры и конференции среди экспертов и публицистов на эту тему с выводами научного, морального и административного воздействия.

Возможны и необходимы меры общественного воздействия и нейтрализации в отношении и тех, кто уже “вне системы”. Разные листки и газетенки, а также и группы возникают робко и крепнут, не получая отпора, а наоборот, встречая реакцию “святой простоты” или даже поддержку. Если вместо этого серьезные и образованные люди найдут время и силы заняться переубеждением, если они смогут предложить некоторым активным “писателям” и “теоретикам” экстремизма серьезные контраргументы

ты и альтернативные интеллектуальные занятия, число рекрутов в эту среду явно станет меньше. Нельзя занимать позицию, что эта часть граждан – одна только мразь и прирожденные подонки и всех их не только газетой по голове, но и “убить мало”. Экстремистами не рождаются, ими становятся. И мы все в чем-то за это несем ответственность.

Отсюда вытекает еще одна стратегия – политика инкорпорации (включения) несистемных экстремистов в более цивилизованную среду, а лидеров-активистов – в, условно говоря, истеблишмент. Ранний Жириновский и его окружение безусловно представляли собой внесистемный экстремизм и до сих пор некоторые держатся обета не подавать ему руки и считают его фашистом. Но сегодняшний лидер ЛДПР, когда он в спокойном психическом состоянии, проявляет ответственность и умеренность. Не пробейся он в истеблишмент, не известно какова бы была эволюция его последователей. Сегодня же мы имеем далеко не самый худший вариант, контролируемый и даже популярный. Возможна подобная метаморфоза и с другими, ибо истеблишмент комфортен и лучше вознаграждает. На виду и при деле быть лучше, чем отираться по подмосковным закоулкам. Антисемитизм и другую ксенофобию в голову вбить легче, чем избавиться от нее, но все равно это возможно.

В этой же связи нельзя исключать необходимость диалога, в том числе и антиподов или заклятых ненавистников друг друга. В США одной из рекомендаций специалистов по устранению антисемитизма черных американцев, среди которых он сильнее всего распространен, был призыв к лидерам еврейских и негритянских общин и активистов больше практиковать прямых диалогов и контактов, ибо без этого остальному обществу справиться с проблемой очень трудно. Готовы ли к чему-то подобному россияне?

Теперь о самой важной стратегии государственного воздействия, в том числе правового преследования экстремизма, особенно в тех его формах, которые уже по закону должны наказываться. В уголовном кодексе РФ есть статьи, предусматривающие наказание за разжигание межнациональной и межрелигиозной розни и за оскорбление национальной чести и достоинства. Статьи сформулированы плохо, ибо нужно подвергать наказанию не за смутно понимаемое даже учеными что есть “национальная честь”, а за разжигание (подстрекательство), умышленное или неумышленное, любой формы межгрупповой розни среди граждан и(или) за осуществление насильственных действий на этой основе. Что касается “национальной чести и достоинства”, то, видимо, речь должна идти об оскорбительных словах и дейст-

виях в отношении тех ценностей, норм и представлений, которые коллективно почитаются представителями той или иной общности (народа, верующей общины) и оскорбление которых наносит безусловный моральный ущерб представителям этой общности.

Но даже в нынешней форме, как показал мой опыт участия в экспертизе по судебным делам Безверхова, Максимова и Корчагина закон может и должен работать. Причем, работать последовательно и настойчиво и по всей стране, а не просто в виде показательного процесса с шумной прессой и опять же негативной рекламой. И здесь главное, как мне представляется, неготовность нашей судебной системы, имеется в виду прежде всего работающий в ней человеческий материал. На мой и подписавших экспертизы моих коллег взгляд, называть печатно христианство “жидовствующей ересью” или евреев – “унтерменьшами”, а цыган – “ублюдками” – это безусловный криминал, требующий наказания. Но каковы знания и представления рядовых прокуроров, судей, судебных заседателей, если они сами многие мыслят на уровне бытовых стереотипов? Здесь нужны простые и убедительные памятки и справки, семинары и профессиональные побуждения. Можно направить за рубеж ведущих и рядовых работников правоохранительных органов или пригласить коллег-специалистов из-за рубежа для того, чтобы перенять имеющийся опыт в таких странах, как Германия, США, Франция. Нужна особая учеба и пособия для юридических институтов, для школ МВД и многое другое, чтобы переломить ситуацию в правоохранительных органах.

Государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму, и оно должно инициировать все необходимые меры по защите общества. Но и общественности пора прекратить беспомощные завывания. Все это заканчивается стыдными для страны и нами же спровоцированными резолюциями международных организаций и иностранных парламентов с одной только целью – унижить и наказать Россию.

¹ Приведу названия нескольких работ по проблемам гуманистических оснований культуры: *Байбурин А.К., Топорков А.А.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990; *Никишенков А.А.* Традиционный этикет народов России (XIX – начало XX вв.). М., 1999; Толерантность и культурная традиция / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2002; *Бгажноков Б.Х.* Гуманистические основания этнологии. М., 2003.

² См.: Коренное население Северной Америки в современном мире / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1990; *Тишков В.А., Стельмах В.Г., Чешко С.В.* Тропую слез и надежд: Книга о современных индейцах США и Канады. М., 1990.

³ *Архангельский А.* Фашизм крепчал // Известия. 2002. 23 апр.

- ⁴ См.: Резолюция ООН по объявлению Международного года толерантности // *Democracy and Tolerance. Proceedings of the International Conference*. Seoul, Republic of Korea. 27–29 September 1994. Seoul, 1995. P. 221–224.
- ⁵ Там же. С. XI.
- ⁶ Толерантность и согласие: Материалы международной конференции “Толерантность, взаимопонимание и согласие”. Якутск, июнь 1995 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1997; *Культура мира: От утопии к реальности* / Отв. ред. Э.Р. Тагиров. Казань, 1999.
- ⁷ *Культура мира и демократии: Учебное пособие* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1997; *Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сборник научно-методических статей* / Под ред. С.К. Бондаревой. М., 2002.
- ⁸ Webster’s New World Dictionary. N.Y., 1988. P. 1407.
- ⁹ Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 1341.
- ¹⁰ Evers K. On the Nature of Tolerance. Paper prepared for the International Conference on Democracy and Tolerance. Seoul, Korea. 27–29 September 1994. P. 18.
- ¹¹ См.: *Социальные и культурные дистанции: Опыт многонациональной России* / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1998.
- ¹² *Российская газета*. 1998. 8 апр. № 144.
- ¹³ Подробнее об этом см.: *Губогло М.Н.* Переломные годы. Т. 1: Мобилизованный лингвицизм. М., 1993.
- ¹⁴ См. некоторые из работ, изданных в рамках федеральной целевой программы “Внедрение толерантности и профилактика экстремизма в российском обществе”: *Идентичность и толерантность* / Под ред. Н.М. Лебедевой. М., 2002; *Малькова В.К., Тишков В.А.* Этничность и толерантность в СМИ. М., 2002; *Толерантность и культурная традиция* / Под ред. М.Ю. Мартыновой. М., 2002; *Этническая толерантность в поликультурных регионах России* / Под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М., 2002.
- ¹⁵ См.: *Шницерельман В.* Цивилизационный подход, учебники истории и “новый расизм” // *Расизм в языке социальных наук* / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб., 2002.
- ¹⁶ Примером откровенно расистской литературы, закумуфлированной многочисленными ссылками на работы профессиональных физических антропологов, являются публикации журнала “Атеней” и книжная серия “Библиотека расовой мысли”. Основным автором и составителем этих публикаций является бывший офицер советской армии “философ-традиционалист” В.Б. Авдеев (см. его издания: *Метафизическая антропология*. М., 2001; *Русские расовые теории*. М., 2002).

ПРИРОДА СЕПАРАТИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

За четверть века полевых этнографических исследований мне пришлось побывать в ряде районов мира, где имеют место движения за самоопределение и происходят этнические конфликты в сепаратистских формах (канадский Квебек, канадская Арктика, Ольстер, Каталония, Тироль, Гавайи, Шри Ланка, Кипр, Черногория, Хорватия, Южная Осетия и Абхазия, Чечня). В данной главе использованы не только собственные полевые материалы, но и имеющиеся научно-теоретические разработки и конкретные описания по данной теме. В целом эта литература страдает политической заангажированностью и двойственными подходами¹. У сепаратизма почти всегда есть как минимум две противоположные версии, которые обслуживаются интеллектуалами конфликтующих сторон или им симпатизирующими внешними экспертами. В зависимости от политической позиции аналогичные случаи сепаратизма оцениваются абсолютно по-разному. Так, для антироссийски (или “антиимперски”) настроенных авторов чеченская война – это “надгробный памятник российской власти”, и, наоборот, абхазская сецессия – это “коммунистическая Вандея”².

Следует сразу же сказать, что число защитников сепаратизма среди интеллектуалов, включая ученых, гораздо больше, чем противников. Причем есть одна общая закономерность: просепаратистские симпатии ученых и публицистов распространяются на внешний мир и очень редко на собственные страны. Это объясняется прежде всего упрощенным представлением о внешнем мире, сложившемся во многом под воздействием средств массовой информации и международных адвокатов в пользу той или иной конкретной сецессии, и гораздо более детальным знанием ситуации в собственных странах. В Канаде и даже в самом Квебеке мною преимущественно фиксировались мнения, сторонники которых считали, что радикалы-франкофоны никогда не добьются отделения Квебека от Канады и результаты народных референдумов только подтверждают призрачность и безответственность проекта расчленения Канады. “Уж если Квебек получит независимость, то только тогда, когда он надоест всей остальной Кана-

де и она его просто выпихнет. Многие канадцы и сейчас относятся легкомысленно к этому вопросу, как будто вопрос идет всего лишь о том, чтобы поменять форму своей прически. В итоге чуть не проспали последний референдум, когда сторонники сепаратистов приблизились к половине голосов”, – комментировала ситуацию одна из моих канадских коллег-антропологов, проживающих в Монреале³. В те дни, когда газеты объявили об итогах последнего референдума в Квебеке, я находился в Казани – столице Республики Татарстан, где были достаточно сильны просепаратистские настроения. Почти все усматривали в этом сообщении только один момент – рано или поздно Квебек будет независимым (а значит, и Татарстан также).

В еще большей степени в мире господствуют симпатии в отношении независимости Тибета. Китай фактически в одиночку противостоит мощному внешнему давлению и осуждению за проведение колониалистской политики репрессий в этом регионе и за подавление права на самоопределение для тибетцев. В пользу этих симпатий работает гигантский авторитет духовного лидера буддистов Далай-ламы XIV, которого активно поддерживают многочисленные эмигранты из Тибета, имеющие статус политических беженцев. Романтика высокогорного монастырского мира верующих тибетцев-ламаистов затронула многих людей, особенно в странах Запада, и прежде всего молодежь. Поклонники независимого Тибета и последователи ламаизма появились среди голливудских звезд и рядовых старшекласников. Дочка одного из моих монреальских коллег-антропологов после посещения местного клуба эмигрантов из Тибета стала активистом движения за его независимость, а затем и антропологом – специалистом по данному региону. Такие наивные романтики и самозванные адвокаты вместе с эмигрантами и самим Далай-ламой составляют мощную внешнюю силу, претендующую представлять Тибет и говорить от имени его населения. Однако мало кто обращает внимание, что само происхождение данного конфликта и его столь давняя история имеют отношение прежде всего к геополитическому и идеологическому соперничеству великих держав после Второй мировой войны. Сейчас многие серьезные историки и другие эксперты признали, что именно в результате вмешательства США, в том числе и агентурного, в события 1950-х годов на Тибете (волнения служащих монастырей, столкновения с властями, гражданские политические коллизии) возникший конфликт обрел своего рода мировую легитимность и уже после этого собственную инерцию и внешние ресурсы, которые не позволяют достичь примирения многие десятилетия.

Поразительно однозначной была реакция внешнего мира на сепаратизм в странах Восточной Европы и в СССР, когда там начались демократические преобразования с середины 1980-х годов. Желание одних государств разрушить другие государства с помощью сепаратизма, т.е. раздела по так называемому национальному (читай – этническому) признаку, доминировало над всеми другими расчетами. Кстати, весь этот гигантский процесс нового раздела государств в 1990-е годы подтверждает одно из наших наблюдений, что государства остаются основными игроками на мировой политической арене, что они пребывают в состоянии соперничества за ресурсы и политическое влияние, что они склонны к опасному соперничеству, что они готовы осуществлять передел ресурсов и влияния в свою пользу как главный приоритет своей политики, после чего уже следует забота о правах человека, демократии, стабильности и процветании во всем остальном мире. Желание ослабить основного соперника или потенциального противника всегда берет верх над соображениями идеологическими (например, неприятие исламского экстремизма). Именно так произошло с поддержкой чеченского сепаратизма, ибо это давало возможность поддержания ослабевшего было “образа врага” и позволяло начать геополитически полезный, с точки зрения многих геостратегов, второй раунд дезинтеграции территории бывшего СССР за счет новой “мини-империи” – России. Именно этим объясняется крайне негативная реакция внешнего мира на политику российского правительства покончить с вооруженной сепаратизмом в одном из регионов страны, который многие в мире уже зачислили в новые “де-факто” независимые государства.

Проблема сепаратизма в политике и в науке имеет выраженный эмоциональный контекст, ибо участники дискурса или открытой борьбы имеют дело с фундаментальными ценностями, непосредственно затрагивающими большие массы людей. В каком государстве жить, кому подчиняться, на каком языке говорить, кому молиться, как перемещаться, кто будет защищать жизнь и собственность людей, наконец, какой гимн петь и каких героев и какие могилы почитать? Проблема сепаратизма (сепаратизма) – одна из самых сложных в сфере этнополитических и конфликтологических исследований, прежде всего потому, что она прямо связана с вопросом о разделе или упразднении государства – одной из наиболее мощных и всеохватывающих форм социальных коалиций людей. Проблема вышла на передний край обществоведческих исследований в связи с ситуацией, сложившейся после краха коммунистических режимов в Восточной Европе, хо-

Таблица 3. Основные сепаратистские войны и конфликты
в 1989–1999 годах*

Государство	Сторона конфликта	Год активности	Состояние
Ангола	анклав Кабинда	1992, 1994, 1996–1997	продолжается
Азербайджан	Нагорный Карабах	1990–1994	нет соглашения
Бангладеш	Читтагонг	1989–1992	соглашение
Босния–Герцеговина	сербы, хорваты	1992–1995	соглашение
Бирма	качины, карены, шань, аракан, кайа	1992–1998	продолжается
Джибути	афар	1990–1994	нет соглашения
Грузия	абхазы, южные осетины	1991–1993	временные соглашения
Гана	северные районы	1994	подавлен
Индия	Кашмир, Пенджаб, Ассам, Андра Прадеш	1989–1998	продолжается, кроме Пенджаба
Индонезия	Ириан, Восточный Тимор, Суматра	1989–1998	продолжается, кроме Суматры
Иран	северо-западные курды	1990, 1993	подавлен
Ирак	северные курды, южные шииты-мусульмане	1989–1993, 1996	продолжается
Мали	северные туареги	1990, 1994	соглашение
Мексика	индейцы Чиапаса	1994	соглашение
Марокко	западная Сахара	1989–1990	подавлен
Нигер	северные туареги, восточные районы	1990–1997	продолжается
Россия	Чечня	1994–1996, 1999	продолжается
Сенегал	район Касаманч	1990, 1992– 1993, 1995, 1997–1998	продолжается
Испания	баски	1991–1992	подавлен
Шри Ланка	тамилы	1989–1998	продолжается
Судан	южные районы	1989–1998	продолжается

* Сост. по: *Smith D., Sandberg Ingstad K., Baev P., Hauge W.* The State of War and Peace Atlas L., 1997; *Wallensteen P., Sollenberg M.* Armed Conflict. 1989–1998 // *Journal of Peace Research.* 1999. Vol. 36. № 5. P. 593–606.

тя сепаратизм имеет давние исторические корни и глобальную географию. В настоящее время существует клуб из нескольких десятков государств, которые переживают одну, две или несколько внутренних войн и конфликтов сепаратистского (на этнической или региональной основе) характера (см. табл. 3).

МОРАЛЬ СЕПАРАТИЗМА

Политический сепаратизм, как правило, представляет собою наиболее радикальную форму этнонационализма, ибо основывается на коллективном мифе достижения “национального самоопределения” для этнически отличительной общности. Сепаратизм – это требование суверенитета и независимости для этнически обозначенной территории, направленное против государственной власти страны проживания. Современный сепаратизм как политическая программа и как насильственное действие основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения: каждая этническая общность должна иметь собственную государственно-оформленную территорию. На самом деле такого смысла нет ни в правовой теории, ни в национальных законодательствах, ни в международно-правовых документах. Последние трактуют право народов на самоопределение, имея в виду признание существующей системы государств и право территориальных сообществ (а не этнических групп) определять систему управления согласно демократически выраженной воле и ни в ущерб остальному населению. *Самоопределение для этнических групп – это прежде всего право на участие в более широком общественно-политическом процессе. Наоборот, сепаратизм в его этническом варианте – это выход из существующей системы или ее разрушение с целью оформления государственности для отдельной этнокультурной общности. Для сепаратистов самоопределение – это всегда отторжение общего государства, политическое и культурное разделение.*

Для оправдания сепаратистских проектов не существует правовых норм на национальном или международном уровнях. Более того, международные нормы до сих пор основываются на принципе уважения территориальной целостности государств, как бы ни было трудно соблюдать этот принцип в последнее десятилетие. По этой причине вопрос о сепаратизме чаще всего переходит в сферу морали. Именно моральный, а не правовой аспект сделал возможным распад Югославии и СССР. Суть этой политической морали в следующем: существовавшие режимы были аморальными, и это означало, что и сами государства были

нелегитимными, а сепаратизм был моральным выбором. Однако насколько морален такой подход к этой большой проблеме? По крайней мере моральные аргументы были столь явно использованы геополитическими акторами для поддержки и поощрения распада этих государств, а затем – для новой вооруженной сецессии внутри “новых империй”, что моральность насильственного раздела после Чечни и Косово оказалась сильно скомпрометированной.

За моральным подходом стоит часто симпатия по отношению к тем, кто хочет отделиться, формулируя для этого программу “национального самоопределения” и создавая борцов за нее. Самый обычный аргумент в пользу программы сецессии – это переживаемые страдания и стремление освободиться от приниженного статуса меньшинства, который может характеризоваться как дискриминация, сверхэксплуатация, этноцид, колониальное угнетение и т.п. Желанием избавиться от этого статуса объясняется также стремлением сохранить и развивать целостность и отличительность малых культур, которые разрушаются доминирующей культурой. Ключевым моментом достижения этой цели считается выход из существующей системы и обретение “своего” государства или воссоединение территории с “исторической родиной”. Эта, с точки зрения политической морали, казалось бы, легитимная позиция, однако, не отражена в каком-либо правовом тексте. Как считают некоторые специалисты, “позиция сторонников морального права на сецессию заключается в предоставлении свободы на отделение без вмешательства как проявление высокой морали, и эта свобода требует особой защиты, которая, в свою очередь, не может быть предметом компромисса между разными интересами, кроме как в исключительных обстоятельствах”⁴.

Но рассмотрение сепаратизма с этой позиции наталкивается на ряд существенных проблем, как только мы переходим к анализу конкретных ситуаций. Во-первых, сецессия – это всегда серьезное перераспределение ресурсов и власти, которое не может не сопровождаться нанесением ущерба значительной массе людей. Если большинство теряет, а меньшинство выигрывает, почему это должно считаться моральным? Абхазы (20% населения Абхазии) реализовали свою самопровозглашенную сецессию от Грузии вооруженным путем только в результате изгнания большинства грузин из этой части страны, нанеся тем самым ущерб не только 200 тыс. беженцев, но и остальной Грузии и самим абхазам. Насколько морально отделение Тибета от Китая против воли ханьского большинства, проживающего в этом регионе? Каким образом аборигенные народы Сибири могут реа-

лизовать свое требование полного контроля над ресурсами почти 60% территории России, если это основной источник экономического обеспечения всей страны?

Сепаратисты используют в качестве морального аргумента для образования отдельного государства установление гарантии сохранения этноса или этнонации. Этническое отличие (в ряде случаев, как, например, с Ольстером – это религиозное отличие) становится таким образом основой для права на сецессию. Но субъектом образования государства этническая общность быть не может, ибо она нигде не имеет четких пространственных границ и членства. Государства образуют другие сообщества, а именно территориальные. Для пропагандистских или мобилизационных целей Израиль может объявляться еврейским государством, но в реальности это государство евреев, арабов, русских и других израильтян, т.е. граждан государства. Как только Российская Федерация будет объявлена государством русских, тогда сецессия со стороны нерусских будет неизбежной. Таким образом, этничность не работает в качестве аргумента сепаратизма, как, кстати, и государственной интеграции. В конечном итоге, ни Латвия, ни Казахстан не смогут осуществить интеграцию своих обществ на основе латышского и казахского этнических проектов: только на основе латвийского и казахстанского национальных проектов.

Во-вторых, сторонники сецессии и внутренние сепаратисты используют в качестве аргумента факт дискриминации, когда последняя не существует или же она присутствует повсюду и касается представителей всех совместно проживающих в одном государстве групп. Именно с целью продемонстрировать исключительную групповую дискриминацию предпринимаются особые усилия, особенно со стороны интеллектуалов, чтобы доказать положение неравенства и несправедливости. Так сравнительно благополучная советская этническая периферия обретает образ жертвы жестокой имперской эксплуатации, а “двойные меньшинства” внутри бывших союзных республик создают не менее драматический образ страдающих от доминирующих групп.

Ошибкой идеологии и практики посткоммунистических трансформаций было неразличение задач демонтажа несостоятельных политико-идеологических систем СССР и других “соцстран” с проблемами улучшения правления и регулирования противоречий в многоэтнических сообществах. Этнонационализм, в том числе в форме самопровозглашенной сецессии, был неосмотрительно принят в союзники демократических преобразований, несмотря на свою утопичность и крайне плохой послужной список в истории. Помню поразившие меня опасной поверхностью

стью высказывания московских коллег-ученых, ставших политиками еще до распада СССР: “СССР – это искусственное образование и ему нет места на географической карте мира” (Ю.Н. Афанасьев); “для нас единственный путь – это не новый союз, а союз государств” (С.Б. Станкевич); “пятнадцать союзных республик плюс Абхазия и Чечня должны стать независимыми государствами” (Т.Г. Шамба). В это же самое время некоторые отечественные славяноведы-балканисты с энтузиазмом предрекали распад “искусственной Югославии”.

Казалось бы, все оказались правы в своих установках. Раздел государств стал основным итогом конца “коммунистического мира”. Этносепаратизм объявил о себе как форма торжества над “последними империями”. Однако не все так просто, если не следовать постфактическим оправданиям хода истории, а иметь в виду существовавшие альтернативы и ту цену, которая была заплачена за реализованную “историческую закономерность”. Для оценки сепаратизма, особенно в свете конфликта вокруг югославского Косово и новой войны в Чечне, невозможно не учитывать и общемировой контекст, а также ожидаемые последствия дезинтеграции для будущих поколений.

ПРИЧИНЫ СЕПАРАТИЗМА

Образование современной системы государств, в том числе и на основе бывших колониальных империй, произошло не благодаря, а вопреки этническому сепаратизму. Каждый раз, когда политические активисты или вооруженные группировки начинали вести борьбу от имени этнических групп за выход из существующих государственных образований и создание новых государств, это заканчивалось кровавыми конфликтами и массовыми насильственными перемещениями населения. Примеров на протяжении всего XX в. было более чем достаточно. Фактически ни один случай вооруженного сепаратизма не закончился достижением политической цели. Приводившийся долгое время успешный пример Эритреи сегодня обезображен ее войной с Эфиопией, от которой Эритрея отделилась не без решающей поддержки сочувствующего египтянина Бутроса Бутроса-Гали, который в конечном итоге от имени ООН выступил решительно против сепаратизма⁵. Там, где сепаратизм существует только в политической форме, его сторонники также десятилетиями не могут добиться согласия большинства населения на разрушение общего государства. Провалы референдумов в канадском Квебеке и деятельность сепаратистов во многих других странах тому хороший пример.

Что касается распада СССР, то он произошел и был признан международным сообществом не потому, что некие этнические общности реализовали свое право на самоопределение, а потому, что имело место согласие правящих элит на упразднение государства (вернее, существовавшей политической системы) на основе состоявшихся волеизъявлений населения вновь возникших государств. Кстати, в этом смысле все участвовавшие (и даже голосовавшие против независимости) в референдумах нелатвыши и неэстонцы являются равноправными создателями государств Латвии и Эстонии, и они были исключены из гражданства противоположно. Последнее оказалось возможным только по причине политической растерянности и обмана “нетитульного” населения новых государств, а также благодаря мощной внешней поддержке невиданного по своим масштабам нарушения прав человека во имя скорейшего геополитического развода между Прибалтикой и остальной частью бывшего СССР. Западные стандарты спокойно выдержали беспрецедентный случай, когда большинство населения столицы государства Латвия перестало быть гражданами своей страны из-за этнического происхождения.

Хотя легитимность Беловежских соглашений и республиканских референдумов вызывает до сих пор много дебатов, распад СССР стал свершившимся фактом. Население бывших 15 союзных республик обрело государственный суверенитет и легитимные власти. Самоопределились многоэтничные гражданские нации, а не просто этнические казахи, литовцы, русские, украинцы, эстонцы и прочие, хотя риторика этнического национализма, под лозунгами которой шла политическая мобилизация за независимость, сохраняет свои позиции почти во всех постсоветских странах. Аналогичный по сути процесс, только в сопровождении более разрушительных конфликтов и с большей долей внешних воздействий, произошел и в СФРЮ, которая распалась на пять государств со сложным составом населения.

Однако сторонников сепаратизма и самоопределения отдельных этнических групп всегда оказывается больше, чем существующих и возникающих вновь государств. Ибо известно, что чем больше государств, тем больше меньшинств (а не наоборот!), ибо вновь созданные границы порождают разделенные общности, а культурное многообразие – групповую отличительность по отношению к новой доминирующей группе. “Многонациональность” как идеологическая основа сепаратизма появляется не в силу этнического разнообразия, а там, где среди меньшинств есть достаточное число образованной интеллигенции и политических активистов, желающих стать доминирующим большинством (на языке сепаратистов оно означает

“добиться национального освобождения”). В этом смысле социалистические страны создали прекрасный материал для сепаратизма, определив с саморазрушительной декларативностью этнический фактор основой внутреннего государственного устройства и вложив огромные ресурсы в образование и культурное развитие меньшинств (“социалистических наций”). Незадолго до распада Югославия была признана экспертами ООН как одно из наиболее примерных государств в смысле обеспечения прав меньшинств⁶. Да и СССР выглядел с этой стороны более чем пристойно, если не считать сталинские депортации и антисемитизм.

Вполне естественно, что попытки продолжить дезинтеграцию обруганных “многонациональных империй” инициировали лидеры бывших “двойных меньшинств” (армяне в Азербайджане, абхазы и южные осетины в Грузии, чеченцы в РСФСР, албанцы в Сербии). Эти попытки встретили жесткое противодействие со стороны властей новых государств. Однако сепаратизм оказался столь привлекательным и на первый взгляд простым способом решения противоречий для многоэтничных государств, что в ряде случаев ему удалось мобилизовать мощные внутренние и внешние ресурсы и довести дело до разрушительных вооруженных конфликтов. Эти конфликты затронули ряд постсоветских государств (Россия, Азербайджан, Молдова, Грузия) и новую Югославию.

Свою долю в эскалацию сепаратистских конфликтов до уровня настоящих войн внесли сами государства и национализм шовинистического толка, а также оказавшиеся за пределами “исторической родины” местное население и военные. Среди последних не последнюю роль играли проживающие в местном комфорте жены генералов и адмиралов (кому хочется переезжать из теплых черноморских резиденций во Владивосток или Архангельск?). Абхазия яркий пример того, как шовинизм грузин и позиция проживающих в ней русских помогли оформиться непримиримому сепаратизму абхазского меньшинства.

Явочный распад СССР и СФРЮ породил проблемы обустройства новых многоэтничных государств, в которых вполне естественно появились свои меньшинства. В ряде ситуаций последние действительно почувствовали угрозу со стороны новых властей, исповедывавших часто крайние формы этнического национализма от имени титульных наций. Естественную тревогу не могли не вызывать лозунги типа “Грузия для грузин!” или политика языкового национализма и выталкивания представителей нетитульного населения из власти и процессов приватизации. Кое-где, как например, в Грузии и Югославии, были сделаны по-

пытки силой упразднить уже существовавшие формы внутренних этнотерриториальных автономий.

Это были грубые ошибки новых властей, хотя не менее грубыми просчетами являлись установка на безграничную суверенизацию и утрата государственного контроля над армейскими арсеналами, как это произошло в России, когда воинственный сепаратизм в Чечне получил оружия на целую армию. Аналогичные ошибки в отношении сепаратизма допустили в свое время и другие страны. Цейлон при президенте Бандаранаике провозгласил сингальский язык единственным государственным языком и на этой основе задумал строить сингальскую нацию, забыв о тамильском меньшинстве, и получил в ответ тамильское сопротивление, опять же не без вмешательства Индии. Китай слишком жестоко обошелся с тибетскими волнениями в 1950-е годы, которые также из-за внешнего вмешательства превратились в долгое и разрушительное противостояние.

Драматичная и запутанная история сепаратизма не отменяет единственно правильной политики в современном мире – это мирное урегулирование внутренних конфликтов, связанных с жизнью многоэтнических сообществ, с формированием новых государств на демократических началах и с признанием императива многокультурности. Все проблемы – от Карабаха, Абхазии, Чечни и до Косово – можно и нужно было решать через мирные и демократические процедуры, путем настойчивой и последовательной политики отстаивания интересов определенных групп и регионов. Как показал опыт Татарстана, именно на этом пути можно было добиться гораздо большего и избежать непоправимых жертв и разрушений.

Более отчаянные головы с опытом работы с древними рукописями (Владислав Ардзинба и Левон Тер-Петросян) или с писательским опытом (Зелимхан Яндарбиев, Ибрагим Ругова), а то и просто профессиональные военные (Джохар Дудаев и Аслан Масхадов) или “крепкие хозяйственники” (Игорь Смирнов) предпочли мятеж. В ответ на этот вызов нашлись не ведающие компромиссов и не жалеющие жизни своих граждан президенты (Звиад Гамсахурдиа, Эдуард Шеварднадзе, Мирче Снегур, Борис Ельцин, Слободан Милошевич) и министры обороны (Тенгиз Китовани, Павел Грачев и другие), которые стали восстанавливать “конституционный порядок”. Вины и те и другие: как поднявшие оружие против власти, так и решившие воевать с собственными гражданами, не считая жертв.

Недавние распады государств, произошедшие под напором периферийной сепарации (или даже инициированные “центром”), позволяют сделать более глубокий вывод, чем плоская метафо-

ра о неизбежности “распада империй” и “триумфа наций”. Этот вывод-урок касается всей современной системы государств и их общей озабоченности о “мире с (бес)порядком”. Вместо политизированного исторического детерминизма более важен и научно историчен вывод о том, что признание новых государств в уже “огосударствленном” мире не должно происходить поспешно. Тем более, если старое государство еще существует и не признает своего распада, и если остаются меньшинства, которые против раздела. Необходимо добиваться более серьезного обоснования того, что новое государство действительно состоялось к пользе разводящихся сторон и через подлинное самоопределение. В противном случае поспешная поддержка такого образования есть признание насилия, воинственных лидеров и вооруженных сект, которые узурпировали “волю народа”. Хельсинкский принцип “нет изменению границ силой” совсем не устарел для нового мира.

Исследовавшая вопрос о распаде Югославии Радмила Накара сделала вполне справедливое заключение:

«Внутри “новой” Европы Югославия была бесповоротно разорвана на части как внутренними, так и внешними силами, как иррациональной межнациональной враждебностью, так и предательскими союзами. Югославия представляет собой наиболее драматическую жертву европейского двойного стандарта в отношении Восточной Европы. Хотя Европа (прежде всего страны Европейского сообщества, но также и такие, как Австрия) не очень охотно предоставляли экономическую помощь Восточной Европе, они были готовы вооружать незаконные вооруженные формирования. Казалось бы, будучи заинтересованы в стабильности и демократизации Восточной Европы, они в то же самое время проявили равнодушие (например, Франция и Италия), а в ряде случаев оказали прямую поддержку (например, Германия и Австрия) разрушительным, сепаратистским и антидемократическим силам во имя заново открытой ценности принципа самоопределения... Другими словами, Европа пожертвовала хельсинкским принципом неизменности границ во имя самоопределения без определения каких-либо условий и без признания специфики многоэтничных стран. “Ящик Пандоры” тем самым оказался открытым»⁷.

ИНИЦИАТОРЫ СЕПАРАТИЗМА

Важно выяснить, что питает современный сепаратизм и что можно ему противопоставить, кроме обличений. Прежде всего вооруженный сепаратизм имеет слишком много заинтересованных и безответственных (а иногда и искренне заблуждающихся) действующих лиц, игнорирующих мирную и эффективную стратегию в интересах тех, от имени которых, казалось бы, и выступают сепаратисты. Во-первых, инициаторы сепаратизма только

на словах являются радетелями “своего народа”, а на самом деле они преследуют узкоэгоистичные цели утверждения себя в качестве “лидеров государств” и создания новых бюрократий, которые должны оплачивать “самоопределившиеся народы”. Отчаянным борцам “за независимость” неважно сколько имеется налогоплательщиков для самоопределения, важно, чтобы кто-то в итоге стал “президентом” или “министром... дел” Абхазии, Приднестровья, Чечни или Косово. Не важна и цена, которую должны заплатить соплеменники за реализацию проекта сецессии, ибо сама сецессия провозглашается священным принципом, который не подлежит никаким обсуждениям.

Во-вторых, лозунг достижения независимости подкрепляется пропагандой вражды к существующему государству и к остальному населению страны, а само положение субъекта сецессии рисуется в намеренно искаженном виде. В Чечне это называли “народоубийством”, “этноцидом” и “колониальным гнетом”, используя травму сталинской депортации и проявления дискриминации в отношении чеченцев, но полностью игнорируя существование в последние десятилетия довольно процветающей автономной республики (об этом вспомнили только после грандиозных разрушений!). В Абхазии сепаратизм эксплуатирует миф о 2000-летней государственности, которой, якобы, были лишены абхазы, хотя к этой государственности современные абхазы и грузины имеют очень условное отношение. В Карабахе для самопровозглашенной сецессии использовалась советская демагогия о безоговорочном праве этнонаций на самоопределение, мифы о геноциде и антиармянской демографической политике. В Косово сепаратизму служила идея Великой Албании, пропаганда о притеснении албанского меньшинства и драматическая телеверсия о массовых убийствах и изгнании албанцев сербами.

Более честный и объективный анализ не обнаруживает всех этих внешне впечатляющих аргументов. Достаточно сказать, что в Косово в последние десятилетия имели место интенсивное хозяйственное развитие, высокий уровень образования и культуры (около 10 тыс. выпускников вузов ежегодно!) и заметный рост уровня жизни, что и составляет главный интерес людей⁸. Примерно такой же была ситуация в Карабахе, Приднестровье, Абхазии и Чечне. Однако пропаганда воздействует на население, которое лишается возможности видеть позитивные перемены в своей жизни и разные варианты решения имеющихся проблем, кроме единственного, к которому призывают вооруженные активисты, – “борьба за свободу” (имеется в виду за собственных начальников). Миф об “освобождении от гнета” становится морально и политически единственно приемлемым, и вы-

рваться из его авторитарной жесткости простому человеку очень трудно.

Трудно осознавать тот факт, что часть представителей меньшинств, включая власти некоторых российских республик, не выдержали экзамен на новое демократическое общежитие. Под внешне привлекательным, но по сути пустым лозунгом “национального возрождения” началась суэта с исправлением демографии за счет “репатриации соотечественников” и выталкивания русского населения, отторжение общероссийского исторического наследия и культурных ценностей, включая ставший родным для большинства нерусских россиян русский язык, раздача постов и привилегий для соплеменников, спекуляции вокруг обмена лояльности на федеральные финансовые субсидии.

Означает ли это необходимость более жесткой линии в отношении нерусского населения страны, чтобы “знали свое место”? Конечно и безусловно – нет: Россия сильна своим многообразием, и в этом ее изначальная суть. Означает ли это конец унижающим достоинство и развращающим преференциям и особым коллективным правам в ущерб правам граждан и равноправия? Видимо, да. *Судьба СССР и Югославии должна стать уроком не только несостоятельности их политико-идеологических систем, но и серьезной ущербности так называемой национальной политики, т.е. государственной политики преференций в отношении меньшинств, включая “свою” государственность.* Сейчас, после Чечни и Косово, я серьезно сомневаюсь в достаточности аргумента “малое – всегда прекрасно”, который обычно звучит в пользу этнически мотивированной сецессии.

РЕСУРСЫ СЕПАРАТИЗМА

Сепаратисты навязывают свою волю через силу и принуждение остального населения, которое обычно живет в мире с представителями различных этнических групп и которое волнуют более земные проблемы обустройства принадлежащих им земельных участков и домов, а не отвоевание территорий неизвестно у кого и для кого. Для своих целей сепаратисты используют оружие и экстремистские организации, в которые рекрутируются молодые мужчины, готовые добывать средства существования и утверждать свое достоинство через автомат Калашникова, а не через рутинный труд. Таких рекрутов сепаратизма в небогатых (а часто и в богатых) обществах с ослабленной государственной властью и с кризисной экономикой всегда находится в достаточ-

ном числе. Через автомат и простенький лозунг “Это – наша земля!” гораздо легче добываются машины и квартиры. Это делается через изгнание чужаков-“оккупантов”, когда для этого не надо трудиться по несколько сезонов на строительных работах, как это было при “колониальном гнете” чеченцев. Именно оружие и создание групп комбатантов, сменивших мирный труд на военный промысел, позволяет сепаратистам бросать вызов государственной машине.

Видимо, пришло время осознать, что повешенное на стену ружье стреляет не только в последнем акте. Попавшее в руки граждан оружие оказывается основным условием превращения политического лозунга сепаратизма в открытое насилие, совладать с которым крайне трудно, а изъять оружие – еще сложнее. Чтобы неработающие молодые мужчины в Чечне перестали таскать с собой автоматы, видимо, потребуются усилия всей страны. Если в Косово с помощью НАТО победит “освободительная армия”, то ситуация будет аналогичной. Карабах и Абхазия уже давно представляют собой скорее военные гарнизоны, чем гражданские сообщества.

Сепаратизм питается внешней диаспорой, которая всегда склонна проявлять эмоциональную и финансовую поддержку наиболее интригующим и рискованным проектам на “исторической родине”, тем более, что подавляющая часть симпатизирующих никогда на этой родине не жили и жить не собираются. Американцу с армянской фамилией – выходцу из профессорской семьи в Лос-Анжелесе, вполне могло искренне вериться, что необходимо было восстановить “историческую справедливость” и передать Карабах Армении (возврат Калифорнии Испании или форта Росс России – это, с его точки зрения, абсурд, и здесь все справедливо). Такой уверовавший интеллигент даже готов ехать в Армению и служить там министром иностранных дел, чтобы добиваться поставленной цели (но только не воевать и не быть в числе беженцев!). Проживающий в Москве чеченец или абхазец, читая профессорские лекции в столичном вузе, тоже на досуге озабочен независимостью “своей родины”. Он суетится с сочинением текстов деклараций о суверенитете и с подготовкой пропагандистских брошюр и поджигательских речей, направленных по сути против государства, в котором живет и из кассы которого получает свою зарплату (а иногда и носит армейские мундиры с высокими погонами).

Диаспора с иммигрантским статусом, как, например, албанцы в Германии, ведет себя еще более определенно, снабжая денежными переводами и добровольными комбатантами лагерь сепаратизма в стране исхода. Кое-где диаспора, имея высокий статус

в стране проживания, может навязывать свою версию ситуации в стране сецессии и даже влиять на политику государств, добиваясь нужных резолюций, правовых актов и ассигнований. Так это было в случае с армянами и албанцами в США, с албанцами в ряде стран Европы, с черкесской и чеченской диаспорой в Турции и Иордании.

Карабах, Косово и, отчасти, Чечня показали, что диаспора, особенно образовавшаяся уже в ходе конфликта, узурпирует этот конфликт и право на выражение “воли народа” в свою пользу и манипулирует конфликтом на расстоянии. Бывает, что вынужденные эмигранты настроены на мирный исход и осуждают вооруженный сепаратизм (от чего и приходится покидать родные места). Такова ситуация со значительной частью чеченской, абхазской и армянской диаспорами. Не разделяют воинственность вооруженных сепаратистов и многие косовары, хотя им приходится покидать родину под давлением сербов и из-за мощного антисербского пропагандистского воздействия. Но чаще дело обстоит по-другому: диаспора находясь под влиянием травмы своих давних или свежих обид хочет отомстить силами сражающихся сынов или внуков. О “мести внуков” высказался впервые чеченец Абдурахман Авторханов, он же ее и подтвердил, подталкивая чеченцев на “национальное освобождение” своими оторванными от реальной жизни сочинениями.

Современные диаспоры столь мощны, что могут способствовать прекращению конфликта или поддерживать его десятилетиями, снабжая воюющих деньгами. Классический пример – это тамильская диаспора в Индии и в странах Запада, которая оплачивает (1 млн долл. в месяц!) вооруженных тамильских сепаратистов в Шри-Ланке уже более двадцати лет. Косовские и чеченские сепаратисты получали оружие, отчасти, также за счет средств диаспоры. Один из американцев, сам ни разу в Чечне не бывавший, открыто объявлял по телевизору, что отправил 10 тыс. долл. на помощь в “борьбе за свободу своей исторической родины”. Ни правительство США, только что принявшее закон о борьбе с терроризмом, не реагировало на подобные случаи, ни российский МИД не сделал по этому поводу заявлений. Считается как бы естественным, что граждане с “корнями” в других странах могут вмешиваться в дела этих стран, часто не зная языка и ни разу там не побывав. В Косово американские граждане албанского этнического происхождения фактически открыто участвовали в вооруженных действиях на территории Югославии. Если к этому добавить, что деньги и симпатии американских ирландцев помогают держаться сепаратистам Ольстера на протяжении многих десятилетий, то получается, что самая могущественная стра-

на мира является откровенным экспортером сепаратизма в его наиболее неприемлемой для мирового сообщества форме – форме насильственных (вооруженных или террористических) действий против легитимных стран и правительств.

Такая ситуация идет против национальных законов и международного права. Видимо, необходимы особые государственные меры и международные механизмы, которые ограничивали бы внешнее вмешательство через диаспорное население, начиная от неоправданного участия в выборах и кончая поставкой оружия и добровольцев. Особые международные меры и санкции необходимы против таких стран, как, например, США и Германия, где состоятельные иммигрантские общины с ведома и согласия стран пребывания осуществляют политику вмешательства и дестабилизации в отношении стран исхода. Говорить о санкциях в отношении США и Германии, казалось бы, абсурдно, но, тем не менее, это необходимо и возможно при условии мобилизации того самого “мирового сообщества”, право говорить от имени которого узурпировало НАТО и его лидер.

КРАХ ИДЕОЛОГИИ МЕНЬШИНСТВ

Сепаратизм использует международную озабоченность нарушениями прав меньшинств в современном мире. Сами эти дебаты и соответствующий корпус международных деклараций и конвенций были в последние два десятилетия инициированы активистами движений малочисленных аборигенных народов и иммигрантских меньшинств. Ученые-гуманитарии, занимающиеся изучением культурного многообразия человечества, долгое время выступали лоббистами и организаторами движений меньшинств. Именно они часто приезжают в местные сообщества и своими неоправданными обещаниями и последующими громкими заявлениями дестабилизируют межэтнический мир и политическое согласие, а также подрывают лояльность государству. Именно они осуществляют разные “миссии по установлению фактов” и руководят международными неправительственными организациями в защиту меньшинств. Среди этих специалистов попадаются и откровенные авантюристы, типа господина Ван дер Пратта, руководившего Организацией непредставленных народов и наций. Известны случаи, когда представители научного мира откровенно вовлекались в вооруженную борьбу сепаратистов против государства (например, Мария Бенигсен-Броксап в Чечне и Дагестане). Иногда “госаналитики” под “крышей” миротворческих неправительственных организаций (НПО) поддерживают

сепаратизм, как это произошло в случае с экспертом американской Корпорации РЭНД Полом Хенце, который возглавил миссию по установлению фактов в Чечне, организованную лондонской НПО “Международная тревога”. В итоге подготовленный доклад был откровенно просепаратистский, как, кстати, и другая деятельность этой НПО на Северном Кавказе (но не в Грузии и в Азербайджане!)⁹.

Сегодня уже ясно, что один из уроков сепаратизма – это скорее аморальность, чем безоговорочная моральность идеологии и практики развода вместо совместных усилий по улучшению общественного правления и культурного сосуществования. В случае глубоких разногласий и конфликта по крайней мере более реалистичной представляется возможность существования общества-государства с параллельными структурами (пока новое поколение политиков не найдет формулы примирения), чем деление государств. Последняя процедура не устраняет конфликт, а превращает его в межгосударственный, который еще труднее разрешать. Наивно верить, что отделение Чечни от России, Абхазии от Грузии или Косово от Сербии приведет к появлению “добрососедских” государственных образований.

Поддержка меньшинств только лишь по определению (“мы – такие маленькие”, “наша культура гибнет”, “нас все время притесняют”) является несостоятельной. Современные меньшинства чаще всего обладают таким же или даже лучшим социальным и политическим статусом, а в ряде стран выступают в качестве господствующего меньшинства, по крайней мере на уровне автономий (пример, Адыгея и Башкирия в России, Абхазия в Грузии до изгнания из нее грузин). Меньшинства столь же часто являются виновниками насилия, что и господствующее большинство. Фактически все наиболее разрушительные конфликты в посткоммунистическом мире были инициированы меньшинствами, по крайней мере на стадии самопровозглашаемой независимости и создания незаконных вооруженных формирований.

Мир еще по инерции принимает политическую корректность идеологии “прав меньшинств” и осуждает позицию в защиту государства и большинства. Но кажется наступает другое время – время защиты не только притесняемых малых народов, но и большинства от радикализма и агрессивности меньшинства. Последнее иногда обладает даже большими ресурсами для навязывания собственного сценария. В случае с Чечней на стороне чеченского вооруженного сепаратизма оказалась мощная коалиция российской радикальной демократии (верящей в советский этнонационализм), либеральный Запад (желающий “досамоопределить” Россию), исламский Восток (расширяющий линии своего

“цивилизационного пространства”) и экспертно-информационное сообщество, заворуженное эстетикой первой войны на территории бывшего политического и ядерного монстра. В случае с Косово на стороне косоваров (опять же не населения, а воюющих комбатантов и активистов-лидеров) оказались самые мощные в мире военные и пропагандистские ресурсы: НАТО и телекорпорация CNN.

СЕПАРАТИЗМ И СМИ

В самые последние годы эксперты и политики стали все больше понимать роль СМИ в осуществлении сепаратистских проектов, насилия и террористических акций¹⁰. Чеченский сепаратизм был признан леволиберальным общественным спектром России довольно поспешно и даже неуклюже. Приведу лишь один потрясающий пример извиняющей политкорректности со стороны про-сепаратистских СМИ. “Общая газета” (1999. 22–28 июля. № 29(311)) поместила “Поправку”:

“В № 27 на странице 3 в подписи к фотографии агентства Рейтер с чеченской границы была допущена досадная ошибка. Вследствие неточного перевода с английского языка люди, запечатленные на снимке, названы “чеченскими боевиками”. На самом деле это – солдаты регулярной армии Ичкерии, которые несут службу по охране границы республики. Редакция приносит свои извинения чеченским пограничникам и автору снимка”.

Какие были мотивы для принесения этих извинений со стороны редакции, я не стал выяснять в редакции, чтобы не нарушать чистоту политического кредо газеты, но одно представляется ясным: где-то на заднем плане, за первым эшелон журналистов пребывает мощный идеологический цензор, не позволяющий расслабиться в борьбе за независимую Ичкерию. Это может быть коллективный борец в лице “линии агентства”, а может быть, и совсем одиночка, готовый биться до последнего патрона, как это делают французские радикалы из числа “национальных освободителей” внешнего мира.

Насчет линии – это вполне серьезно, ибо мой опыт наблюдения трансляции событий на Дубровке в Москве в октябре 2002 г. в западных СМИ (СНН и ББС) показал, что существует не просто линия, а фронтовая передовая в защите чеченского вооруженного сепаратизма. Ведущие новостей двух мощнейших медиаимперий в течение трех дней выражали своим лицом, голосом, вопросами и комментариями, а также отобранным видеорядом возмущение политикой России в Чечне и более чем волевым

настроено воспользоваться террористическим актом и трудным положением российских властей, чтобы отыграть вторую чеченскую войну у Москвы. Весь разговор был исключительно вокруг того, не как спасти заложников, а как прекратить войну, как организовать переговоры и определить статус Чечни. Во всех новостных выпусках и других передачах использовался аккуратный язык в определении совершивших теракт: они были “диссиденты”, “захватчики заложников”, “борцы за свободу” и т.д. Даже российские комментаторы П. Фельгенгауэр и Б. Иордан встраивались в тот же самый язык и не использовали слово “террористы”. Как объяснил мне один из западных журналистов, “без решения суда нельзя называть террористами”. “А как же с Бен Ладеном, – спросил я, – какой суд определил, что он – террорист?”

Вечером накануне освобождения заложников СНН начали показ под видом документального кино во многом фальсифицированной версии о действиях федеральных вооруженных сил в Чечне, где забойными кадрами стала инсценированная зарубежным журналистом и снятая за деньги российским оператором сцена, как грузовик тянет по полю привязанный за ноги канатом труп убитого чеченского боевика.

Даже среди толпы у ДК были найдены те, кто произнес в телекамеру следующие слова: “Они нас здесь не защищают, они хотят всех нас уничтожить”. Это было сказано не о террористах, а о милиции и спецслужбах.

В интервью американского ведущего Ларри Кинга с заместителем министра иностранных дел С.В. Лавровым прошла тема о желательности уступки России по Ираку, что было откровенным давлением на страну в трудной ситуации кризиса с заложниками. Логика американского ТВ была такова: согласитесь с войной против Саддама, тогда получите сочувствие по поводу происходящего в Москве.

Кстати, мир уже начал более сложно относиться к проблеме меньшинств, а Запад незаметно перенацелил основную деятельность в этом направлении исключительно на страны бывшего СССР и на восточную Европу, особенно Югославию. Возможно, такие страны, как Индия, Китай, Пакистан, Великобритания, Испания, Канада, поступают правильно, не допуская внешних манипуляций с собственными меньшинствами, включая очаги внутреннего вооруженного сепаратизма. Ни одна западноевропейская страна не допустила пока комиссара ОБСЕ по делам меньшинств на собственные территории.

В 1970 годы, когда я проводил исследования в Квебеке, канадская полиция ежедневно буквально следовала по моим пятам. На Гавайях моя встреча с активистами движения “Гавайская на-

ция” в 1983 г. едва не кончилась неприятностями с властями. В США сепаратистов (техасских, гавайских и прочих) без всяких оговорок осуждают на пожизненное заключение, а сепаратистские группы отслеживают и подавляют самым жестоким образом. В России быстрое утверждение внешней открытости привело к образованию “открытых политических зон”, особенно на Северном Кавказе, куда устремились сочувствующие меньшинствам романтики и откровенные авантюристы со всего света, неся свои утопические рецепты или чемоданчики с долларами для оплаты антигосударственной деятельности.

СЕПАРАТИЗМ КАК НОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Сепаратизм не стал бы глобальной проблемой, если бы не служил орудием соперничества государств и средством геополитической инженерии. Этот момент присутствовал и в прошлом, когда после Первой мировой войны Вильсон, Клемансо и Ллойд-Джордж, ползая по географической (!) карте, “самоопределяли” народы Юго-Восточной Европы, или когда в период Второй мировой войны Сталин и другие победители меняли границы под тем же самым лозунгом. Теперь настал черед победителей холодной войны навязывать свою волю внешнему миру через очередные этнические самоопределения. Заметим, что никогда в истории поборники этого принципа не применяли его в отношении собственных государств, если это не касалось расширения их границ.

Как показывает опыт Югославии, несостоятельность и разрушительный характер самого принципа компенсируется кабинетными прожекторами создания государств, которые подкрепляются бульдожьей хваткой “дипломатов” типа Ричарда Холбрука и военной мощью “миронавязывателей”. Что будет с этими государствами и их границами через одно–два поколения, это не так важно. Важнее другое – продиктовать волю и реализовать идеальные (в головах экспертов и политиков) проекты для людей, которые живут за тысячи миль от их кабинетов.

Безответственный энтузиазм новых передельщиков мира столь велик, что они не замечают разительную двуличность подходов и намеренные фальсификации. Геополитически невыгодный сепаратизм не поддерживается и даже осуждается (будем бомбить и в Грузии, но только не Тбилиси, а Сухуми!). Отвечающий “антиимперскому” настрою и установке на наказание избранной жертвы (Сербия, Россия) соответствующий сепаратизм (косовский, чеченский) всячески поощряется и ему открыто со-

действуют отдельные государства и так называемое международное сообщество.

Чечня и Косово не стали бы столь масштабными трагедиями, если бы это “международное сообщество” вовремя сформулировало свои сигналы не в виде резолюций, осуждающих “агрессию России в Чечне” и “агрессию Сербии в Косово”. Последняя фразеология стала поощрением вооруженной сецессии и подрывом государственности, без которой в любом случае наступает общественный хаос и которую не могут заменить никакие международные структуры и инструменты.

Пришло время сделать фундаментальный вывод из последних событий – человечество не придумало пока ничего лучшего для обеспечения общественного порядка и социального преуспевания людей, чем государства. Интеллектуальные дебаты об отмирании государств, квазигосударствах и т.п. на самом деле представляют собой утилитарную миссию ослабления или даже разрушения одних государств для усиления других. Если существует действительная заинтересованность в “международном мире”, тогда не следует спешить консультировать боевиков из Армии освобождения Косово, как это сделал ушедший на пенсию с поста президента Корпорации Карнеги за международный мир американец Морт Абрамович. Не стоило спешно водружать флаги абхазских и чеченских сепаратистов над штаб-квартирой Организации непредставленных народов и наций в Гааге. У абхазов и чеченцев было более чем достаточно представительства, но не было опыта и ответственности как ими воспользоваться. Поэтому усилия должны быть направлены на то, чтобы научить политиков и общественных активистов тому, как людям с разными религиями и языками жить в одном общем государстве и решать проблемы развития и разделения власти (а не страны!), не изгоняя людей из их домов и не перекраивая границы.

Еще один исторический урок сепаратизма – слабая роль силы и ее непоследовательность в разрешении конфликтов. Косово еще раз продемонстрировало, что демократия и мир не всегда идут вместе, а лозунг “защиты демократии” и ее “форпост” в лице Западной Европы вообще превратился в камуфляж для определения новых сфер влияния (даже если это называется “сферами ответственности”) и для отработки рутинных военных планов и полевых испытаний современного оружия. Ясно и то, что никакие “гуманитарные акции” и международные миротворческие операции не заменяют возможности и ответственность государства и общества разрешать собственные конфликты. Международное вмешательство далеко не всегда оказывается позитивным, ибо его участники тоже имеют свои, и часто достаточно уз-

кие, интересы. Поэтому поспешная приватизация конфликта внешними акторами – это тупиковая и опасная стратегия, которая опасно трактуется как некий новый порядок в предотвращении и урегулировании конфликтов.

После демонстрации опасных метаморфоз современного сепаратизма и еще более опасных манипуляций вокруг него будет справедливо, если государства с многоэтничным составом населения примут дополнительные меры в пользу обеспечения собственного суверенитета и целостности. Это может означать определенное ограничение политики коллективных прав и преференций для особых групп населения. Во всяком случае после Чечни и Косово трудно представить себе ситуацию, чтобы появлялись новые этнотерриториальные автономии в составе федеративных государств. Доведенная до абсурда тотальных бомбардировок борьба Запада в защиту меньшинств в конечном итоге дала обратные результаты.

Даже если операция НАТО “по предотвращению гуманитарной катастрофы” закончится так, как ее запланировали исполнители, война на Балканах и неурегулированные конфликты на территории бывшего СССР – это реквием по сепаратизму. Защитив существующие государства, от Китая и Индии до России, Югославии и стран Африки, и отвергнув вооруженный сепаратизм, который угрожает не только этим странам, человечество может спокойнее вступать в новую эпоху. Противоположный вариант “нового порядка” просматривается с большим трудом, ибо он чреват новыми циклами насилия. Сепаратизм несет разрушения и культурную деградацию больших и малых народов Земли, во имя которых казалось бы и осуществляется новое миронаваживание.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРИРОДА ТЕРРОРИЗМА

Представители самых разных общественных дисциплин пытаются осмыслить феномен терроризма¹¹. Складываются разные подходы к его анализу и сама методология анализа. Чтобы избежать поверхностных суждений или схоластических дебатов, важно понять, в каком дисциплинарном контексте и какими методами изучается проблема терроризма. С дисциплинарной точки зрения заслуживает внимания ракурс политической и шире – социально-культурной антропологии, который предостерегает от системного фетишизма и обращает внимание на культурный контекст и на своего рода низовую этнографию терроризма. Этот подход полезен, ибо помогает уйти от устойчивых образов

неких коллективных тел, движений и институтов, которые якобы и определяют “большие события”. На самом деле проблема сложнее и тоньше, и далеко не все можно объяснить историей, социально-экономическими факторами или религиозной доктриной.

О терроризме часто говорят в контексте конфликта цивилизаций и других глобальных категорий (“Север–Юг”, “бедность–богатство”). *Однако современный обществоведческий анализ предполагает больше внимания к элементам, связанным с неопределенностью, с иррациональными факторами и с несистемными взаимосвязями и воздействиями.* Различные метаконструкции, используемые при объяснении терроризма, как, например, *глобализация, колониализм или цивилизация*, не очень понятны как категории анализа или конкретной политики. В случае с терроризмом явно предпочтительнее говорить о симбиозе локализма и глобализма. В этом контексте становится гораздо понятнее ситуация, когда человек, сидя в афганских горах, имея счета в банках и спутниковую связь, может определять и влиять на то, что называется “глобальными процессами”, т.е. осуществлять широкие воздействия с огромными реальными последствиями, чего до этого не было.

Так же уязвимы жесткие дихотомии в объяснении того, что произошло 11 сентября 2001 г. Пока прозвучали два основных подхода – это конфликт бедности и богатства и конфликт больших догм на уровне мировых религий. В какой-то мере эти две оценки адекватны реальности, но они явно недостаточны. В них присутствует культурный детерминизм, т.е. абсолютизация социокультурных различий. Если до этого мы занимались абсолютизацией идеологических, классовых, социальных различий, то теперь наблюдается своего рода этнографизация действительности и одержимость установлением цивилизационных различий.

При анализе феномена терроризма такое глобальное деление, как Север–Юг, должно быть построено представлением о том, что есть единый мир и множество миров. И если мы хотим понять кто против кого воюет, то даже элементарная этнография, где провели большую часть своего жизненного времени те несколько десятков человек, подозреваемых в причастности к осуществлению сентябрьских террористических актов, укажет на территорию Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Там же были обретены все необходимые навыки осуществления террористического акта и произведены орудия террора. Т.е. жестокость, фанатизм и готовность осуществлять насилие порождаются в рамках одного мира. Оклахомский взрыв и его главный герой Тимоти Маквейн – целиком американское порождение. То же

можно сказать об американском гражданине, готовившем террористический акт с применением радиоактивного вещества. В равной мере Дудаев, Масхадов, Басаев с их вариантом вооруженного сепаратизма и тактикой террора были порождены российской средой, а не бедностью и религиозным фанатизмом.

Таким образом, *терроризм – это не война миров, а явление, которое пересекает границы и может существовать повсеместно. Что же до глобального (масштабного) терроризма, требующего знаний, умений и средств, то он вообще не может существовать без богатого мира.*

Если посмотреть, из каких источников в течение последнего десятилетия черпали основные финансовые и идеологические ресурсы внесистемные активисты, различные группы и силы, которые подвергают сомнению статус-кво в виде современных государств, то обнаружится, что именно с территории США поступают основные финансовые и идеологические ресурсы террористической деятельности. Хотя там и был принят закон против терроризма, но именно оттуда поступали деньги на оружие для вооруженных сепаратистов многих регионах мира: от Ольстера до Косово, включая Чечню и Афганистан.

Одно дело – позиции по отношению к терроризму правительства или высшего руководства, но нужно анализировать влияние действующих лиц уровнем ниже – экспертов, бюрократии, лидеров-активистов, роль которых огромна. Например, при объявленной позиции США о признании территориальной целостности России достаточно высокопоставленные чиновники государственного департамента, члены Конгресса и другие влиятельные политические акторы могут занимать по Чечне совсем иную позицию, держать в своем кабинете портрет Джохара Дудаева и приглашать того же Масхадова или его “министра иностранных дел” на встречу в Фонд Карнеги за международный мир или даже в госдепартамент. Тем самым осуществляется акция поддержки и признания “полезных террористов в рамках политики геополитического соперничества, достаточно близоручого, но в то же время приносящего свои результаты.

Сложность рассматриваемой социально-политической материи требует более чувствительного анализа и соответствующих реакций. В частности, мы имеем дело с новым по своему воздействию феноменом, который не укладывается ни в понятие *государство*, ни в понятие *этнические общности*. Речь идет о неформальных сетях – диаспорных, радикально-фундаменталистских или нарко-криминальных коалициях, которые сегодня играют огромную роль. При этом они не обязательно привязаны к какой-то одной этнической группе, скажем, китайской или ал-

банской, сейчас появляются транснациональные и “псевдо-цивилизационные” общности – исламская, арабская, тюркская, магрибская. Солидарность здесь выстраивается по причудливым принципам. Неформальные сети очень подвижны, их программатика и действия зависят от определенного контекста. Но роль их очень велика, особенно для осуществления скрытых разрушительных действий. Именно поэтому необходимо проводить постоянный мониторинг подобных организаций и коалиций, чтобы секретари Совета безопасности РФ и другие самые высокие чиновники знали, что нельзя иметь дело с экстремистскими сектами типа японской Аум Сенрике, а МИД не должен выдавать въездные визы деятелям американской организации “Исламская нация”, чтобы они приезжали взрывать обстановку в Дагестане.

Многое поменялось в мире в смысле ролей и статусов. До этого государства и культурно-доминирующие демографические большинства представлялись как источник проблем и насилия, а меньшинства и внесоциальный сектор, в том числе разные “освободительные” движения, как страдающие, требующие защиты и международной поддержки. Даже часть нобелевских премий мира ушла на эти цели. Сегодня *местные активисты, представители меньшинств в союзе с другими сообществами, неправительственными организациями и международными структурами могут осуществлять гораздо более мощные акции и силовые воздействия, в том числе и быть инициаторами насилия.* С одной стороны, большие игроки (великие и региональные державы) знают, как направить их против геополитических соперников, с другой, – местные радикалы где-нибудь в Чечне, Дагестане или Карачаево-Черкесии уже используют в своих собственных интересах геополитическое соперничество, начиная с трибуны ООН, международных джунглей Брюсселя и Страсбурга и кончая государственным департаментом США.

Эти новые коалиции, которые выступают от имени “угнетаемых меньшинств” или “непризнанных наций”, в последнее время сильно скомпрометировали себя готовностью прибегать к насилию и включаться в геополитические баталии. Поэтому сегодняшний мир должен быть не меньше озабочен проблемами прав большинства и сохранения основ правопорядка, которые становятся жертвами действий от имени меньшинства и тех, кто не признает статус-кво и желает изменить его силовым образом чаще всего вопреки воле большинства и даже не спрашивая представителей групп меньшинств, от имени которых действуют радикальные элементы.

С этими новыми условиями и факторами мы мало имели дело и не выработали определенные стратегии ответов. По-преж-

нему что-то мямлим относительно “национального самоопределения” в этническом смысле, по-прежнему ищем или строим национальные государства” на месте “многонациональных империй”, вместо того чтобы просто укреплять государства как самую эффективную форму коллективной человеческой организации и обеспечивать согласие проживающего во всех государствах культурно-разнородного населения.

В ближайшей исторической перспективе ничто не сможет заменить нынешнее основное деление мира на государственные образования. Государства останутся основными формами легитимной коалиции людей, которые будут иметь исключительное право на исполнение насилия, право на жесткое определение членства этих коалиций. Они будут охранять свои ресурсы, свои территории, свои границы. Никакие диаспоры, этносы, исламские умы, “Международные сообщества”, никто другой не должны получать это право, кроме случаев, когда сами государства делегируют часть своих функций международным структурам или вооруженным союзам. Вот почему вызывает опасение, что появление нового претендента на воленавязывание в форме “международной антитеррористической коалиции” может вызвать обострение отношений между государствами региона, вмешательства и цепную реакцию отмщения в форме террористических актов как единственного средства борьбы против сверхмощных вооруженных коалиций.

Сентябрьские события повлияют в глобальном масштабе на то, что в свое время хорошо отразило название отчета об одном из семинаров Аспеновского института (США). “Сильные государства – это сильные надежды”. Т.е. сильное государство прежде всего обеспечивает порядок и развитие. Всякие разговоры тех же, кстати говоря, американских ученых-экспертов о том, что современное государство в кризисе, что половина или две трети членов ООН – это квазигосударства, или “недосоопределившиеся” государства, или “государства в состоянии риска”, являются политизированной безответственностью.

Многие глобальные проекты, которые выполняли зарубежные коллеги в последние десятилетия, заложив политизированный мусор в компьютер, получили такой же мусор в виде списков “меньшинств в состоянии риска” или “государств в состоянии распада”. Тем самым само обществознание, в том числе и отечественное с его дебатами о “национальных движениях” и “религиозных возрождениях”, способствовало появлению нереализуемых проектов и косвенному оправданию насилия. Например, теория базовых человеческих потребностей в современных учебниках по конфликтологии, которая трактует дело так, что якобы

при нарушении или угрозе таким потребностям, как сохранение групповой целостности и культурное самовыражение, люди готовы идти на все, невзирая на то, что их будут считать террористами. Эти предписания на уровне академических конструкций имеют огромное значение, так же как и визуальная трансляция образов террора (от горящего небоскреба до портрета Бен Ладена). Не будь в Нью-Йорке телекамеры, которая сняла самолеты, врезавшиеся в башни, мы бы не называли произошедшее поворотной датой в мировой истории. Иными словами, сегодня конструирование образов и превращение с их помощью событий в “эпохальные” тоже имеют огромное значение.

В производстве террора особую роль играют различные не-системные активисты. Думая, что какие-то цивилизационные или религиозные метаструктуры воюют против “золотого миллиарда”, мы тем самым совсем не обращаем внимание на то, что я называю “несистемными активистами”. Сегодня, имея денежные средства и набор постулатов, можно мобилизовать рекрутов из бедных и богатых, из ненавистников и авантюристов на любые действия. Поэтому *начало терроризма не там, где реальная бедность, а там, где создают ощущение бедности, несправедливости и безысходности*. Нужно сначала бедность объяснить, а ненависти – научить. Нет абсолютной бедности, люди живут в гораздо более бедных условиях во многих других государствах мира, чем арабские страны, но им не объяснили или не показали по телевизору, что “вас эксплуатирует золотой миллиард, вы бедные, вы заслуживаете лучшей жизни”. Должно быть предписание: ты беден, тебя угнетают. Сторонники террористических действий рождаются на основе именно этих предписаний и совсем необязательно в условиях реальной нищеты.

Надо избегать абсолютистского понимания уровня и условий жизни: у вас ВВП на душу такой-то – значит, вы в состоянии риска и общество или меньшинство пойдет на все для того, чтобы достичь своего лучшего состояния. Это не так. Без внешних предписаний (их акторами могут быть этнографы, социологи, правозащитники, журналисты и прочие) бедность и отчаяние не могут актуализироваться, а дьявольский замысел и фанатичная жертвенность невозможны. Пришла пора объяснять эти тонкие и не очень приятные истины, чтобы московские и другие ученые проявляли больше осторожности в обучении Корану тех, кто это обучение использует как суррогат для насилия.

Самоосвоение образа о том, что ты беден, обездолен и должен взять реванш, появляется тогда, когда есть агитаторы и телеэкраны для сравнения. Даже исторические драмы и то объясняются специальными интерпретаторами, ибо современный че-

ловец, в том числе боевик и террорист, сам не проживал ни депортацию, ни геноцид прошлых десятилетий или тем более столетий. Воюющие непримиримые чеченцы никогда не депортировались, это испытали их родители. Надо было прочитать книгу Абдурахмана Автурханова “О народоубийстве” и трехтомник под редакцией Светланы Алиевой “Так это было”, или послушать митинги в Грозном, или прочитать закон 1991 г. о реабилитации депортированных народов, чтобы уверовать в “справедливость дела”.

Важно изучить, как люди становятся рекрутами массовых мобилизаций и радикальных проектов, инициировать которые могут внесистемные активисты или люди, располагающие большими средствами и зловещими талантами (не обязательно за ними стоит некая коалиция или вся арабская элита). Данный феномен нужно отныне особо отслеживать. Это также применимо к России: важно установить момент, когда простой паренек из башкирской деревни (юноша, которого осудили как участника теракта, а родители говорят, что “он хороший, его все уважали, он никого не обижал”) вдруг стал таким, что назад пути нет. Когда наступил тот момент, начиная с которого он готов собой пожертвовать? Это сложный феномен, и он не связан ни с цивилизацией, ни с политикой, а скорее, с генетическим здоровьем, образованием и психологией.

Чтобы отследить этот феномен, необходимо распознать, как отдельные люди при их решении покончить жизнь самоубийством в течение нескольких лет проходили сложнейшее обучение вожделению самолета – современного “Боинга”, совершали другие длительные и сложные подготовительные действия и даже заводили семьи. Т.е. – это феномен, который одними глобальными категориями государства, этноса, религии, элиты не поймешь. Поэтому важно установить, когда молодой человек воспринимает опасные заблуждения, которые потом невозможно демонтировать. *Необходимо отслеживать эти примитивные, упрощенные конструкции, призывы, лозунги, вплоть до интерпретации религиозной догматики, пока их воздействие не стало опасным для общества. Именно здесь нужно вести работу, чтобы принять превентивные меры, помимо тех, о которых уже говорилось и которые уже приняты.*

В контексте проблемы терроризма важно сделать некоторые выводы. Кому мы принадлежим, к какому миру и какой выбор мы сделали? Ответ на эти вопросы зависит от того, как мы сами себя квалифицируем, т.е. как мы себя назовем. Мы явно принадлежим к “золотому миллиарду”, пусть внизу, но мы принадлежим к нему. И поэтому не следовало президенту Путину произносить

во время встречи с финским президентом слова: “Мы пока еще очень бедная страна”. Стоит взглянуть с экранов на Афганистан, чтобы понять, что такое бедная страна. Наши бывшие республики Средней Азии, т.е. часть наших бывших соотечественников, – это совсем другой мир по сравнению с Афганистаном. Поэтому самокатегоризация нас как бедных, построивших “криминальное государство под пиратским флагом”, как заявил “совесть” нации Александр Солженицын на общем собрании Российской академии наук, означает приглашение желающих это государство изменить или из него выйти силой (террором).

И последнее – о научной экспертизе. Здесь также должны быть предприняты серьезные усилия. Мы в последние годы утратили добротные знания (я имею в виду комплекс близких мне дисциплин) о том же Афганистане, о Средней Азии, о других регионах, в том числе и о США. Мы хороши на уровне политологических дебатов, умных и просвещенных суждений, но эмпирического, полевого материала сегодня нет. Сейчас в Средней Азии американских антропологов в десятки раз больше, чем российских специалистов. Они там не только в каждой стране, но и в каждом районе. Они отслеживают современные процессы, и не только, но и выполняют более сложную задачу – формируют свое видение вещей в отношении Ферганской долины и в целом этого региона. Следует срочно возродить отечественную экспертизу внешнего мира, включая экспертизу Соединенных Штатов Америки.

Главный вывод: *глобальная стратегия противодействия терроризму – это укрепление государства как источник порядка и легитимного насилия через соблюдение интересов большинства, через волеизъявление со стороны большинства, через ограничения внесистемных активистов и политики меньшинств и через отторжение радикальных проектов и призывов.*

¹ См.: *Bookman M.Z. The Economics of Secession. N.Y., 1992; Separatism – Culture Counts, Resources Decide / Ed. T. Andresen, B. Bull, K. Duvold. Bergen, 1997; Государство, этносы, сепаратизм и проблемы прав человека / Под ред. М.Г. Арутюнова. М., 2000.*

² См. *Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power. New Haven; London, 1998; Червоная С.М. Абхазия – 1992: Посткоммунистическая Вандея. М., 1993.*

³ Личное письмо от Катрин Люсье. 10 ноября 1995 г. Монреаль.

⁴ *Buchanan A. Secession. The Morality of Political Divorce from Fort Sumner to Lithuania and Quebec. Boulder, 1991. P. 27.*

⁵ *Бутрос-Гали Б. Повестка для мира. Нью-Йорк, 1992.*

⁶ Этот вывод содержится в материалах комиссии ООН, подготовленных для разработки Декларации о правах лиц, принадлежащих к языковым, религиозным, этническим (национальным) меньшинствам.

- ⁷ *Nakarada R.* The Paramaunt Case of Yugoslavia // Millennium. Journal of International Studies. 1991. Vol. 20. № 3. P. 369.
- ⁸ См.: Косово: Международные аспекты проблемы / Под ред. Е. Степановой и Д. Тренина. М., 1999.
- ⁹ Chechnya. Report of an International Alert Fact-Finding Mission. L., 1992.
- ¹⁰ *Малькова В.К., Тишков В.А.* Этничность и толерантность в СМИ. М., 2002; Диагностика и толерантность в СМИ / Отв. ред. В.К. Малькова. М., 2002; Остановитесь! Оглянитесь! К вопросу об этнической толерантности и конфликтности в российской прессе. М., 2002.
- ¹¹ См. работы российских и зарубежных ученых и практиков по данной теме: *Антонян Ю.М.* Терроризм (криминологическое и уголовно-правовое исследование). М., 1998; Международный терроризм: Истоки и противодействие. Материалы Международной научно-практической конференции. СПб., 2001; Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 2002; Современный терроризм: состояние и перспективы / Отв. ред. Е.И. Степанов. М., 2000; Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / Отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. М., 2003; Высокотехнологичный терроризм: Материалы российско-американского семинара. Москва, 4–6 июня 2001 г. М., 2002; Countering the Changing Threat of International Terrorism. Wash., D.C., 2000.

Глава XI

КУЛЬТУРА НАСИЛИЯ

Несколько лет занятий проблемой конфликтов и насилия дают мне возможность преимущественно на материалах по этнографии чеченской войны проанализировать существующие научные подходы к феномену насилия и некоторые проблемы вооруженных конфликтов. До сих пор в отечественном обществоведении насилие и конфликт были преимущественным доменом историков, правоведов и социологов. В философской публицистике также существует целый мир высказываний и наблюдений, особенно по поводу насилия как демиурга российской истории. Этот литературно-метафорический фон интересен, но мало полезен для научного анализа. Социально-культурными антропологами в данной области пока сделано недостаточно.

Чтобы писать об антропологии насилия, конечно, лучше выполнить первичное дисциплинарное условие – осуществить полевые исследования, т.е. изучить случаи насилия через включенное наблюдение. Однако, поскольку нас интересует феномен прямого и коллективного насилия в форме конфликтов и войн, выполнить данное требование крайне трудно. И нам остается только преклониться перед теми коллегами-антропологами, которые изучали конфликт и насилие в очень сложных условиях, подвергая свою жизнь риску (а некоторые заплатились жизнью, как, например, американский антрополог Мирна Мак, убитая в 1990 г. гватемальскими солдатами за то, что изучала жизнь гватемальцев в условиях военно-политического террора)¹.

В 1992 г. я посетил Южную Осетию, когда там только что закончились военные действия и началось выполнение трехсторонних договоренностей по мирному урегулированию. Тогда же я имел возможность посетить Тбилиси после окончания в Грузии внутреннего гражданского конфликта и прихода к власти Эдуарда Шеварднадзе. В том же году на моих глазах происходила эскалация осетино-ингушской напряженности в Северной Осетии. В декабре 1994 г. я принимал участие в переговорах с чеченской делегацией во Владикавказе, а в 1995 г. – в международной миссии по местам цыганских погромов в Румынии. Помимо этого

мне удалось побывать в Югославии (1991), на Кипре (1995), в Северной Ирландии (1996), Шри Ланке (1997), Хорватии (1998), Турции (2000), Каталонии (2001), на Корсике (2002) – странах и регионах, где также имели место насильственные конфликты. Но самый главный источник моих наблюдений – это полевые материалы по Чечне, собранные на основе метода делегированного интервью и собственных бесед с участниками и жертвами войны.

Сразу оговорюсь, что не ставлю перед собой цель хрестоматийного описания проблемы насилия во всем ее историко-антропологическом многообразии. Тем более, что имеются несколько работ зарубежных авторов именно такого характера². В нашей стране по проблеме войны и мира в так называемых традиционных обществах опубликована обстоятельная книга А.И. Першица, Ю.И. Семенова и В.А. Шнирельмана³, выполнены некоторые исследования по проблеме насилия в современных обществах, в том числе и в России. Мы видим свою задачу в анализе теоретических подходов к феномену насилия и в демонстрации их применимости или ограниченности прежде всего в отношении имеющегося в нашем распоряжении конкретного материала. Но самое важное – это предложить более сложное видение проблемы как исследовательского поля, на котором ни одна холистская теория не способна работать. Возможно, что в историко-культурной перспективе мы имеем много разных социальных явлений, которые ошибочно называем слишком общей категорией – *насилие*.

В данной главе речь преимущественно идет о вооруженном насилии в его организованной и групповой форме. Именно этот вид насилия больше всего беспокоит современный мир и умы специалистов. Одна из причин кроется в том, что ушедший XX в. стал веком, в котором, как никогда в предыдущие столетия, люди убивали себе подобных по причине расовых, классовых, этнических и религиозных различий. Пожалуй, никогда ранее в истории даже самые позитивные по своим целям социально-политические движения не избежали того, что французский философ Мишель Фуко назвал парадоксом гегемонистских последствий так называемых освободительных проектов. Именно современные политические движения, особенно за “самоопределение” разного толка, часто придерживаются принципа насильственной борьбы, и эта борьба обретает не только длительный характер, но конструирует свои собственные объекты и создает свои собственные оправдательные аргументы. “В поиске морального оправдания в жерлах стреляющих пушек насилие придает смерти характер ритуальной жертвы, превращает мучения в доказатель-

ство. Когда смерть становится мерилom преданности благородному делу, даже жертвы становятся соучастниками насилия, если они принимают это как некую историческую необходимость. Это один из путей обрести для политического насилия свою легитимность”⁴, – пишет Д. Эптер во введении к коллективному труду, посвященному проблеме современного политического насилия.

Мы хотим обратить внимание именно на возможности социально-культурной антропологии в объяснении насилия и в определенной легитимации этого феномена как феномена человеческой культуры. Причем нас интересует коллективное насилие не просто как сумма индивидуальных девиантных действий, о чем я писал в работе об ошском конфликте⁵. Антропология современного насилия включает в себя проблемы, не менее трудные для объяснения, чем самые сложные ритуалы убийства в прошлом. Эта современная этнография насилия пока изучена слабо. Достаточно обратить внимание на явление телевизионно-постановочного насилия и смерти, к которому прибегали чеченские боевики, верша казни над своими жертвами, или взывающий к насилию фильм режиссера Александра Невзорова “Чистилище” все на ту же тему чеченской войны.

Наиболее интересным и важным представляется интерпретация насилия как формы дискурса. В отличие от индивидуального акта насилия политическое (коллективное) насилие не может совершаться людьми вне определенного дискурса. Для того чтобы организовать и исполнить насилие, люди сначала должны его “проговорить”. Тайные собрания уже добавляют предзнаменование. В публичных политических платформах оно обретает воспламеняющий характер. Оно находит свое выражение в текстах прокламаций, художественной словесности и даже в академических лекциях. Короче говоря, насилие вовлекает людей, которые призывают на службу ему свой интеллект. “Поэтому политическое насилие носит не просто интерпретивный характер. Оно привлекает на службу интеллекты, которые выходят за пределы ординарности. Насилие заставляет людей переставать быть самими собой”⁶. Вовлекая большое число людей – исполнителей и жертв, – насилие обретает собственную логику развития, разные аргументы его участников или внешних соучастников (включая и ученых) и совсем разные версии жертв насилия или тех, от имени которых оно осуществляется. Именно эта культурная динамика насилия представляет особый интерес.

НАСИЛИЕ: ХРЕСТОМАТИЙНЫЕ ПОДХОДЫ

Традиционно антропологи подходили к изучению проблемы насилия как одной из характеристик “примитивных” или нецивилизованных обществ или как к форме девиантного, асоциального человеческого поведения. Ученые стремились определить своего рода правила или законы существования и проявления насилия как части культуры. В классической антропологии оно трактуется часто как определенная социальная функция. Именно *функционалистский подход* рассматривает такие социальные институты, как набеги и межплеменные войны в качестве связующей группы функции, которая проявляется в общих нормах и ожиданиях, даже если внешне они носят разделяющий характер⁷. Насилие часто интерпретируется как своего рода объективная данность социального существования человека, которую общество должно уметь контролировать и подавлять. Этот подход лежит в основе психоанализа Зигмунда Фрейда, социологии Эмиля Дюркгейма, антропологии Марселя Мосса (дар как средство избежать войны). Социальная данность насилия составляет одну из основ концепции государства как монополиста на отправление легитимного насилия.

Еще более *эссенциалистский взгляд* на насилие разделяет социобиология, связывающая насилие с генетической природой человека. Например, на основе этологических подходов к изучению агрессии среди животного мира некоторые авторы пришли к выводу, что человек также обладает своего рода наследием внутренне присущей ему агрессии. Именно эта черта человека связана с развитием оружия и организацией войн, хотя в человеке нет биологически неконтролируемых механизмов агрессии, как среди других живых существ. Как пишет Конрад Лоренц, “когда человек достиг стадии обладания оружием, одеждой и социальной организацией и тем самым преодолел опасности голода, замерзания и нападения диких животных, и когда эти опасности перестали быть основными факторами в процессе естественного отбора, тогда селекция на основе врожденной враждебности должна была сойти на нет. Фактором, который стал отныне влиять на процесс естественного отбора, явились войны между соседствующими враждебными племенами”⁸.

Этот подход почти безоговорочно был отвергнут современной наукой. Однако социобиологический смысл сохранился в более рафинированном виде. Именно с такой позиции была выполнена классика этнографического кино и сопутствующая этнография племени яноама американским антропологом Нэпом Шэгном, что впоследствии вызвало ожесточенную дискуссию среди

ученых, особенно вывод Шагнона, что “мужчины, которые убивали, имели больше жен и детей, чем мужчины, которые не убивали”. Тем самым фактор репродукции он считал ключевым для понимания племенного насилия⁹. Многочисленные материалы и аргументы показали, что Шэгнон искажил реальную картину, преувеличив воинственность яноамо, а некоторые киносюжеты из жизни этого народа были им специально инсценированы. Маршалл Салинз убедительно доказал, что этот подход не вскрывает механизм сопричастности фактора репродукции и насилия, а также ничего не дает для понимания специфических форм насилия¹⁰. Среди отечественных ученых аналогичную критику биологизаторских подходов к проблеме предложил В.А. Шнирельман¹¹.

Современная наука фактически отвергает попытки объяснить человеческое насилие в биологических наследственных категориях, особенно если речь идет о его коллективных формах как некой общей характеристике природы человека¹². Как заметил один из авторов, “история и сравнительная антропология показывают, что люди воюют не потому, что им необходимо удовлетворить определенный инстинкт, а потому, что их интересы приходят в конфликт с интересами других. Определение, характер и относительная ценность этих интересов обусловлены культурными факторами”¹³.

Другим влиятельным подходом в антропологической интерпретации насилия был *экологический*, который связывает состояние человеческих коллективов с природными ресурсами и их доступностью. Так, например, известный американский антрополог Рой Раппапорт на примере изучения Новой Гвинеи обосновывал положение, что демографическое давление приводит к конфликтам, смысл которых в перераспределении населения на доступной для жизни земле¹⁴. Позднее работы Раппапорта и Вайды были положены в основу анализа карабахского конфликта российским ученым А.Н. Ямсковым. Однако только соперничеством за ресурсы или другими “природными” факторами этот крайне идеологизированный и манипулируемый конфликт никак не может быть объяснен, а тем более демонстрируемая в нем жестокость рядовых насильников и изоциренность действий элитных элементов.

Между сторонниками социобиологических и экологических подходов шла длительная дискуссия, особенно при объяснении войн среди амазонских племен, которая так и не дала какого-либо консенсуса. Скорее, более плодотворным итогом этих дебатов стали работы по этнографии мирных сообществ как также своего рода естественного состояния человеческого общежития¹⁵.

Коллективное насилие и прежде всего войны активно изучались в контексте становления ранних форм государственности и

централизованных политических систем в целом. Здесь большой вклад внесли отечественные ученые, и следует признать как общий вывод то, что насилие было своего рода “повивальной бабкой” ранних государств и даже недавних исторических эпох. Гораздо труднее согласиться с тем, что оно обеспечивает стабильность государств в современном мире, на что справедливо обратили внимание многие авторы¹⁶.

К разряду общих выводов можно отнести положения о том, что насилие по своей первичной природе скорее носит коллективистский, а не личностный характер, что оно социально, а не асоциально или антисоциально, что оно культурно конструируется и всегда культурно интерпретируется. Эти положения были убедительно продемонстрированы отдельными авторами, которые провели полевые исследования среди североирландских экстремистов, жертв межрелигиозных столкновений в Индии, пострадавших от войны в Шри-Ланке, жертв войн в бывшей Югославии и других¹⁷. Новейшие подходы позволили взглянуть на насилие с гораздо более сложным пониманием и разделить этот всеохватный феномен по нескольким важным параметрам. Во-первых, это культурная обусловленность самих норм и понятия, что есть насилие. Ибо разные общества и традиции, а также разные ситуации делают границы насилия крайне размытыми: то, что в одной культуре есть безусловное насилие, в другой – вполне терпимая и даже приветствуемая норма. Во-вторых, насилие имеет как бы две сферы: одна, связанная с телом и причинением физической боли или смерти, другая – с так называемым символическим насилием. Наконец, некоторые антропологи обратили внимание на существование как бы двух разных типов социальности, связанных с двумя различными концептами личности. Один из них связан с миром человеческой политики и войны, создаваемых и поддерживаемых через ритуальные действия, когда человек и сообщества вынуждены демонстрировать насилие¹⁸. В целом теория насилия разработана недостаточно, что, в свою очередь, приводит к малопродуктивным дебатам и по теории войны и конфликтов. Как справедливо замечает автор соответствующей статьи в “Энциклопедии социальной и культурной антропологии” Саймон Харрисон, “адекватная теория войны вынуждена ожидать решения более крупной проблемы теоретического понимания насилия, которая, в свою очередь, слабо разработана в антропологии”¹⁹.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАСИЛИЯ

В социальных науках довольно часто смешиваются понятия *насилия* и *агрессии*. Последнее – это преимущественно домен изучения этологов и психологов, для которых насильственное поведение есть проявление и доказательство существования особого внутреннего состояния, называемого агрессией. В частности, военные действия часто трактуются как демонстрация агрессивных проявлений со стороны человека. Однако, как справедливо отмечают некоторые исследователи, едва ли возможно установить наличие агрессивных чувств у пилота, который сбрасывает бомбы с большой высоты, выполняя боевое задание²⁰. Здесь имеет место насилие, но не обязательно как проявление агрессивности. Скорее, агрессия как чувство и как поведенческий мотив больше проявляются со стороны объектов насилия в отношении попавших в плен летчиков, которых, например, чеченские комбатанты почти всегда физически уничтожали как наиболее ненавистного противника.

Война – это прежде всего социальный, а не психологический факт. Агрессия – это скорее нанесение физического и любого другого страдания с целью подчинения или доминирования над противником²¹. Но и в данном различии не все так просто. Агрессия может наблюдаться и без проявления физического насилия. В свою очередь, насилие может иметь агрессивные мотивации, но может и не иметь их. Насилие “включает использование большой физической силы или ее высокой интенсивности и, хотя часто насилие вызвано агрессивной мотивацией, оно может использоваться индивидами в обоюдном насильственном взаимодействии, которое рассматривается обеими сторонами как ответное или как возмездие”²². Подобных уточняющих суждений в литературе имеется в достаточном количестве, но за всеми из них присутствует одна фундаментальная слабость, а именно, – первородный эссенсеализм. Он проявляется в том, что происходит сначала монокультурное (в европейской, точнее, в иудео-христианской традиции) определение “сущности” агрессии, а затем уже ее использование в кросс-культурной перспективе для познания природы вещей. Как тонко заметил Томас Гибсон, “те, кто считает универсальное определение агрессии возможным и даже желаемым, чаще заинтересованы в том, чтобы сказать о членах определенного общества как “более агрессивных” в сравнении с другими по определенной количественной шкале”²³.

В равной мере это же замечание относится к определению и использованию понятия *насилие*. Один из ведущих специалистов по данной проблеме Д. Ричес считает, что в англо-саксонской

традиции имеет место негативное воздействие “народных” теорий о насилии, которые аналитик заимствует из собственной бытовой культуры. Именно в англо-саксонских народных представлениях насилие выступает как иррациональная и дьявольская субстанция в человеке²⁴. Более того, если посмотреть глубже, то идеи о первородной греховной сущности человека действительно имеют глубокую древность и восходят к самой христианской традиции. Вот только сама категория агрессии как концепта появилась сравнительно недавно и является прежде всего порождением науки о психоанализе. Идеи Зигмунда Фрейда глубоко вошли в западную интеллектуальную традицию XX в. и для многих стали бесспорной истиной.

Мне представляется более плодотворным подойти к феномену агрессии (и насилия) не как к распознавательной категории, которую можно изучать вне социального и семантического контекста, а как к категории или явлению, наличие или отсутствие которого является вопросом эмпирического исследования. Другими словами, проявление насилия – это результат тех ценностей и смыслов, которые существуют в данном конкретном обществе, где оно имеет место. Чтобы понять и объяснить насилие, необходимы не столько глобальная дефиниция и метатеория, сколько анализ сходных или различных культурных (социальных) условий, которые порождают то, что в данном обществе и в данный момент считается насильственным поведением. Только в таком контексте можно ответить на вопрос, почему в одних регионах бывшего СССР или в российских этнотерриториальных автономиях (республиках) произошли насильственные конфликты вплоть до масштабных войн, как в Карабахе и в Чечне, а в других (тоже анклавов, тоже депортированные, тоже в состоянии кризиса, тоже многоэтнические и т.п.) сохраняется мир и межэтническое согласие?

Иначе нам придется вставать на упрощенные и несостоятельные позиции в объяснении как насилия в Чечне, так и насилия в отношении Чечни, которыми полны научные тексты и публицистика. Решающим моментом в объяснении насилия и конфликта является само понятие *контекста* как методологического условия, которое, в свою очередь, вытекает из признания первичности конкретной социальной ситуации в интерпретации человеческих институтов и поведения. Главное – это изучение в различных социальных средах человеческих реакций и действий в ответ на общие экзистенциальные проблемы. Признав подвижную вариативность способностей и ограничений человека в социальной действительности, мы можем тогда сосредоточить больше внимания на том, как появляется и проявляется каждая конкретная ситуация насилия в том или ином обществе.

Однако, прежде чем перейти к иллюстрации данного подхода, следует сказать еще об одной теоретической парадигме, которая оказывает влияние на трактовку феномена насилия. Речь идет о различных конструктах “заместительной агрессии”, основным из которых можно назвать тезис Джона Долларда о фрустрации–агрессии²⁵, суть которого в том, что препятствие на пути целе-ориентированного поведения неизбежно ведет к агрессии. Это – чисто индивидуалистическая методологическая конструкция слишком часто и необоснованно переводится на социально групповой уровень. Установление фрустрации на групповом уровне ведет к выводу, что данная группа (народ, меньшинство, нация) ищет выход из данного состояния в войне со своими соседями или через опыт коллективного катарсиса, например, в форме определенной ритуальной процедуры.

Многие антропологи прямо или косвенно разделяют тезис о фрустрации – агрессии, особенно в трактовке ритуала. Тот же Бронислав Малиновский считал, что ритуал служил важной функцией избавления от страха или тревоги в условиях неопределенности²⁶. Примерно той же позиции придерживался Виктор Тернер. Однако другие классики антропологии (Альфред Редклиф-Браун и Эдвард Эванс-Причард) вполне резонно отмечали, что возможна и противоположная интерпретация ритуала, а именно, – последний создает состояние страха и тревоги, и ритуал следует рассматривать прежде всего с точки зрения социологического значения этого социального института, а не вкладывать в него фундаментальное психологическое значение.

В целом же подобные теории катарсиса сводятся к тому, что через драматический опыт индивид или группа очищаются от потенциально деструктивных эмоций, чтобы достичь гармонии в повседневной жизни. В конечном итоге идеи катарсиса превратились в западной интеллектуальной традиции в своего рода бытовую ментальность и на них зиждется значительная часть западной психотерапии. Имеются обобщающие социологические труды, в которых утверждается, что катарсис является потенциально полезным инструментом обеспечения психического здоровья и что подавление эмоций вызывает нестабильность и ведет к насилию²⁷.

Признавая значение эмоций в человеческом поведении, однако трудно согласиться с претензией данного подхода на универсальный характер объяснения, в том числе и прежде всего феномена насилия. Тогда в чем же суть возможного альтернативного подхода?

ЛЕГИТИМАЦИИ И ДИНАМИКА НАСИЛИЯ

К всеобщей константе насилия может быть отнесено то, что оно не носит бесконечный характер и рано или поздно имеет обязательный конец. Этим насилие радикально отличается от состояния мира, которое в силу своей функциональной естественности длится долго, а иногда – очень долго: некоторые общества и общины не знают насилия и войны с момента их оформления как социальных коалиций. Трудно не согласиться с рутинной истиной, что война и насилие прерывают мирный ход жизни, а не наоборот. Хотя тексты некоторых исторических учебников и могут состоять преимущественно из перечислений воинственных событий, но это есть всего лишь закон жанра исторической презентации и не более того. Тогда почему насилие, которое тоже может длиться долго, носить циклический и обоюдный характер, все же сходит на нет или целиком замещается позитивной кооперацией бывших врагов? Как получается, что после жесточайших войн, жертв и разрушений, которые только увеличивают символический капитал насилия, социальный процесс идет в другую сторону?

Примечательно, что, некогда казавшиеся незыблемыми и не подлежащими обсуждению, принципы становятся предметом переговоров и уступок, а заклятые враги – партнерами вплоть до совместного получения Нобелевской премии. Именно такую ситуацию мы наблюдали с насилием на Ближнем Востоке, а в последнее время в Северной Ирландии и Шри Ланке. Именно такая ситуация складывалась дважды в ходе чеченской войны после подписания сначала Назрановских соглашений в июне 1995 г., а затем Хасавюртовских соглашений в августе 1996 г. После подписания соглашений между федеральной делегацией и чеченской стороной в Назрани глава чеченской делегации Мовлади Удугов сказал своему партнеру министру Вячеславу Михайлову: “Если у Чечни будет когда-нибудь дипломатическая академия, то мы назовем ее именем Михайлова”.

В конфликтах на территории бывшего СССР и в других регионах мира мы неоднократно наблюдали ситуацию, когда мир и переговоры создавали ситуацию очевидной абсурдности происшедшего насилия и невозможности объяснить, почему оно произошло. Границы функциональных взаимодействий сравнительно быстро становились более важными и вытесняли разделительные линии, которые проходили по этническим, религиозным или доктринальным границам. Вопрос, зачем была война, становится одним из самых актуальных в общественно-политическом дискурсе, особенно среди рядовых участников социального действия. Мы

зафиксировали большое число подобных рефлексий среди чеченцев, включая самых активных комбатантов, после того как закончились военные действия в 1996 г., о чем речь пойдет ниже.

Однако что делает насилие длительным и сохраняет возможность его возобновления или повторения (циклы насилия)? Здесь есть несколько ответов, которые не укладываются в одно теоретическое обобщение, еще раз подтверждая как дискретность самого феномена, так и необходимость дискретного анализа. Конечно, есть факторы, которые относятся к числу “грубой реальности”, а не к сфере дискурса. Во-первых, в ходе конфликта могут возникнуть не только линии фронта, но и физические разделительные линии, которые по замыслу призваны положить конец насилию. Это могут быть границы новых государственных образований, призванные разделить враждебные и воюющие группы. Именно такой вариант миронавязывания был избран в бывшей Югославии. Это могут быть установленные внешними силами и международными структурами разделительные “зеленые линии”, как на Кипре. Или это может быть бетонная стена с колючей проволокой для разделения враждующих общин, как в Белфасте. Наконец, это может быть земляной ров тоже с колючей проволокой, как это было сделано на ставропольско-чеченской границе или создаваемая федеральными войсками осенью 1999 г. “зона безопасности” в Чечне.

Мое наблюдение всех упомянутых физических *линий раздела против насилия* привело меня к выводу, что насилие таким образом не устраняется. Оно может быть подавлено или прекращено, но не устранено как часть дискурсивной практики, а значит, и всегда потенциально готовой деятельности. В Хорватии в ноябре 1998 г. граница ненависти к сербам переключалась с поля боя на уровень вербального и графического насилия. В языке хорватских коллег-ученых сербы выступали только под названием “современные фашисты”, “варвары”, “тупые шовинисты и империалисты”. Улицы хорватских городов были исписаны профашистскими (ушастскими) и ультра-националистическими лозунгами явно антисербской направленности. Тем самым некогда внутриобщинное (внутригражданское) насилие между хорватами и сербами в Югославии обрело дополнительную форму межгосударственного противостояния. Интенсивность (точнее – накал или потенциал) насилия не стала меньше по сравнению со временем, когда оно имело открытую форму вооруженной борьбы.

В октябре 1996 г. я пересекал зеленую линию ООН на Кипре, которая разделяет турецкую и греческую общины. Уже прошло два десятка лет после окончания войны на Кипре и установления *внешнего мира*, к которому я отношу форму мира или замирения,

навязанную внешними силами. Этот мир не был миром без насилия. Это был мир с насилием, ибо, начиная с пропускного пункта, надписи-послания и даже поведение людей (прежде всего их речь и аргументы) источали насилие. Похоже обстояло дело и в Белфасте в октябре 1997 г., но здесь разделен был только один город, а не вся территория, пораженная насилием. Здесь шли интенсивный диалог и формальные переговоры, которые через некоторое время закончились политическим соглашением, хотя стена в Белфасте осталась на своем месте. А через два года в Ольстере снова были вспышки насилия.

Я пришел к выводу, что насилие и мир, как и переход от одного к другому – это прежде всего определенный дискурс и без его практики все три субстанции невозможны, а тем более их динамика. Без говорения о конфликте и без его объяснения, а также без первичного насилия как акта речи, сам конфликт и физическое насилие невозможны, хотя спорадическое насилие или его единичный акт вполне возможны.

Следующий момент в анализе коллективного насилия в ситуации группового конфликта – это вопрос о том, удастся ли через прекращение словесного насилия снизить или элиминировать политическое насилие и тем самым предотвратить прямое (физическое) насилие? А также означает ли прекращение прямого насилия деэскалацию политического насилия? Или все перетекает из одного в другое без особых закономерностей? И, наконец, каковы те условия и обстоятельства, которые не позволяют возврат прямого насилия? Последний вопрос особенно актуален в связи с новым раундом чеченской войны в 1999 г. после трех лет своего рода “внешнего” мира.

Акт речи, или слово, крайне важный элемент насилия. Словесная подготовка вооруженного сопротивления в Чечне началась с его вербальной легитимации, когда был взят на вооружение лозунг “национальной революции” или “национального самоопределения” и целый набор идеологических постулатов о “геноциде”, “народоубийстве” и “имперском господстве России”²⁸. Шагом к насилию были некоторые литературные произведения чеченских авторов, многочисленные публикации местных и московских историков и других обществоведов, переводные сочинения, националистическая литература из других регионов СССР, которые пестовали трагико-драматический или геройский облик чеченской истории и чеченцев и зывали к “восстановлению исторической справедливости”, к реваншу над прошлым. Тиражом в 10 тыс. (!) экземпляров вышли в Грозном брошюры о пленном русском в чеченском плену, о горском оружии в Кавказской войне и другие²⁹. На научных конференциях, посвященных разным

деятелям “национально-освободительного движения”, звучали не только мифологическая апологетика прошлого (пришедшая на смену советской цензурной версии), но и откровенные призывы продолжить начатое в прошлые века дело освобождения. Причем наиболее откровенно формулировку такого призыва посмели взять на себя зарубежные эксперты – давние борцы с коммунизмом и русским империализмом³⁰.

В какой мере и в какой момент в Чечне эти слова трансформировались в пули, т.е. в прямое насилие, можно сказать с достаточной точностью. Хотя связь между вербальным и прямым насилием имеет достаточно причудливый характер. Те, кто производят субъективные предписания к насилию или создают морально-доктринальную аргументацию, сами, как правило, не воюют. Рекрутирование исполнителей насилия идет из другой среды, а иногда даже из членов другой группы или профессионалов бизнеса насилия. Этой средой чаще всего являются сельские молодые мужчины или городские маргиналы. Именно так обстоит дело в Шри Ланке, Ольстере, среди латиноамериканских *герильяс* и других рядовых участников “движений”, “революций” и прочих коллективных насильственных действий. Трансляторами элитных призывов с академических и других трибун могут выступать разные социальные акторы, меняется и суть самих аргументов насилия, последние особенно по мере эскалации самого насилия, причем настолько, что первичные лозунги напрочь забываются. Приведу полученные мною свидетельства из опыта рекрутирования чеченских боевиков в 1991–1992 гг. Из них видно, что главным элементом чаще может выступать всего лишь конструирование образа врага, а не лозунг и доктрина.

“Люди приезжали с самых дальних горных аулов. На площади были скамейки из городских скверов. Люди устраивали зикры, которые я раньше не видел. Зикры с большими барабанами заставляли подтянуться. Ноги сами так и несли тебя в круг зикра. И сами зикристы, и мы готовились к встрече с врагом. Но кто этот враг, по-моему, никто не понимал. Просто все думали, что где-то есть враг, и против него все становились как одно целое. Кто этот враг я тогда не понимал – не то Завгаев, не то русские. Может, тогда это не имело значения. Но от сознания, что этот враг есть, все чеченцы становились как одно целое. Больше всех угрожал Яндарбиев” (Саид Г.).

Мой партнер по исследованию задал вопрос Саиду:
– А кто были твои враги?

“А кто их разберет. Поначалу это были оппозиционеры. Враги Джохара, а значит, и мои враги. Потом мы с Лабазановым долги выбивали. Те тоже были враги Джохара. Были фраера – им дадут нефть на продажу, а они

скупают деньги и – на дно. А то и возражать пробовали. Но мы их доставали. Даю тебе слово, мы бы и Мамадаева с Мараяевым достали. Но президент не дал команды. Это были враги – рискованные ребята. При деньгах, спортсмены, некоторые даже чемпионы. Однако же жадные. Одно слово – фрэара. Потрясли мы их. Мне даже кровную месть объявили и не одну. Поэтому мне без оружия никуда. Потом оппозиционеры пошли. Это народ жидкий. Все больше начальники, преподаватели-интеллигенты: артисты, одним словом. Они на митингах выпендривались, изображали из себя. А мы их на кассету засняли и потихоньку выдергивали из домов. Бывало, трянешь его, а его кондрашка колотит.

Потом пошли притеречные чеченцы. Эти тоже оппозиционеры. И хоть тогда Джохар не посылал меня с отрядом, я сам пошел. Мы были при нескольких орудиях. Поставили мы их на хребте. Тут один завопил, что не желает стрелять по чеченцам, что за это нас проклянут. Но мы его урезонили. Правда, большого дела не получилось. Попалили мы из пушек, пару постов сняли. Ну, они и разбежались. Потом они (в ноябре было дело), поперли на танках в город. Мы заранее знали их маршрут, и мы сидели в засаде, аж в самой станции Петропавловской. Но это так, для шоу. Мы с самого начала знали, что это концерт. А тут как раз по радию команда сматывать удочки, не делая ни единого выстрела. Пошебутились мои дружки, но делать нечего. Попрятали мы оружие и пошли в горы. Какая уж тут война, если у нескольких танков люки даже были открыты, и они, конечно, не собирались воевать. Это был понт, показуха.

Мне потом один знакомый (шустрый был адвокат, он меня еще по первой судимости защищал) говорил, что у Дудаева той осенью дела совсем в убыток пошли, и он сзывал народ на митинги, умолял защитить его, но никто не являлся. Поэтому надо было разозлить чеченцев, заставить воевать”.

Совсем другая презентация тех же самых событий исходит от лидеров чеченского радикального национализма, а позднее – вооруженного сепаратизма. Здесь задача стоит оправдать политическую программу и насильственную форму ее реализации, поднять собственное значение в историческом действии, принизить других претендентов на возможную славу, наконец, воспеть насилие как жертву. Вот как описывает первичную воинственную мобилизацию Зелимхан Яндарбиев:

«Помню те дни достаточно ясно, чтобы постараться передать их героический пафос. Это были дни, когда народ еще не вышел из постпутчевского (ГКЧП) накала страстей, которые за период предвыборной борьбы обрели закономерный характер, а после избрания Джохара президентом трансформировались в стабильный общественный настрой. И патриотический энтузиазм, и гражданский пафос, и революционный дух, и авантюризм, и собственнический эгоизм, и альтруизм, и еще многое другое сплелось во времени и характере людей. И не было никакой возможности ни расчленить их, ни привести в систему. Не было других критериев оценки, кроме как “за” или “против”. Единственное, что можно было делать – это наблюдать, воспринимать или отрицать, участвовать или не участвовать во

всем этом. Люди, в большинстве своем, так и делали. Пытающихся понять и постигнуть было мало. Такие появятся позже. Но в большинстве лицемерящие. И только в начале появятся среди них те, кто действительно во всем объеме постигнет суть всего происходящего и осознанно, чтобы и на волосину не поступиться честью и достоинством нации, пойдет на смерть под знаменем независимости и с Аллахом в сердце. А тогда, в первые дни независимости, были только пафос и настрой, но способные смести любые преграды на пути. Они побеждали, подминая робость, сомнение, философствование, как водится испокон веков в такие эпохи и времена»³¹.

Яндарбиев считает, что Дудаев и он понимали, что движет людьми, и эффективно это использовали. А “направляемые умелой рукой Кремля – КГБ силы реакции” такого преимущества не имели. Были еще многочисленные примкнувшие к народу, или, как писал Яндарбиев, “просто присутствовали при народе, и это хорошо”³². Только за чеченским сопротивлением было преимущество исторической правоты, как полагают чеченские идеологи.

«Этот процесс уже невозможно было остановить, даже если вся многомиллионная имперская армия обрушится на чеченский народ... Это был закономерный момент в развитии процесса национального возрождения... Но не все готовы и способны были истинно философски и психологически осмыслить ситуацию. Более всех и те, кто мыслил себя интеллектуальной элитой нации и, тем не менее, не нашел лучшего применения своему интеллекту, кроме как трусливого созерцания событий, вместо того, чтобы быть в передовых рядах, или демократически-демагогических пророссийских панических словопрений – публично и за глаза. Но в настоящей ситуации это было не существенно, ибо народ и без их “интеллекта” знал, что ему делать, и это знание было обретено многостолетним опытом самоотверженной борьбы наших отцов за независимость, и прежде всего с российской империей. Этот опыт просыпался в крови чеченца, поднимая дух на битву»³³.

ВНЕШНИЙ ДИСКУРС НАСИЛИЯ

Дискурс насилия не ограничивается академической или другой элитной апологетикой, хотя она оказывает огромное влияние на массовое сознание, особенно когда инициированное групповое насилие в форме “сопротивления”, “революции”, “бунта” и т.п. вознаграждено военным успехом или даже яркой победой. Окончание войны в Чечне в августе 1996 г. вызвало невиданную по интенсивности прочеченскую апологетику. Одно из исследований чеченской войны, выполненное американским журналистом и антропологом Анатолем Ливеном, содержит обстоятельную концепцию “социальных и культурных аспектов чеченской

победы” под общим названием “Мы свободны и равны как волки” (одна из наиболее распространенных метафор дудаевского сопротивления, заимствованная из историко-этнографических текстов)³⁴.

Ливен считает, что “подспудные силы чеченского общества и чеченская традиция сформировались и закалились опытом двух последних веков”. Ссылаясь на работы российских антропологов (С.А. Арутюнова, Я.В. Чеснова), он сравнивает чеченское общество с классическим эллинским обществом “с точки зрения культуры и этноса”, которое “было крайне раздробленным и даже анархичным, но которое в силу базовой социальной структуры и традиций оказывалось способным к мощному единению в условиях внешней военной угрозы”. Так чеченское общество спонтанно родило мощное и всеобщее военное сопротивление внешнему вторжению российской армии.

Ливен, повторяя взгляд российских этнографов о том, что чеченское общество было обществом военной демократии и никогда не знало никакой знати и иерархии подчинения, кроме как во время войны, делает вывод: “Если герои Гомера были королями и знатью, то чеченцы традиционно эгалитарный народ. Поэтому чеченцы представляют собой архаических воинов, воспитанных и обученных вековыми влияниями этнических и (или) племенными солидарностью и долгом, к которым более чем за два столетия добавились также религиозное единство и национальные страдания и борьба”³⁵. Безусловно считая чеченцев “примордиальной этнической нацией”, Ливен находит в них что-то особое, чего не было в культуре других народов, а именно – радикальное и всеобщее неприятие всего советского и всего русского, сохранение некой древней культурной основы своей общности. Так он пишет:

“Чеченцы действительно всегда вели себя как если бы они были боги... Чеченское общество и чеченских бойцов в последней войне можно сравнить с японским самурайским мечом начала нашего века: оружие, основная форма которого восходит к глубокой древности, но которая ковалась и перековывалась в горнилах нашего времени; оружие, которое оказалось в руках человека, который соединил в себе исключительно архаические ценности и достоинства с современным военным искусством высшего порядка. Очень древние, очень новые и очень эффективные”³⁶.

Послевоенная апологетика вылилась в целую серию книг самих чеченских авторов, в сочинения российских специалистов и в многочисленные поэтические версии, которым крайне трудно противопоставить какие-либо иные интерпретации за пределами политически корректной версии этнографического романтизма и идеологической установки – “меньшинства против империи”

всегда правы, даже если вынуждены прибегать к вооруженной борьбе. Наш анализ именно народных версий войны обнаружил крайне разнообразный набор объяснений, и он заслуживает не меньшего внимания, ибо это такой же легитимный нарратив, что и академические сочинения, политические тексты и поэтические сочинения.

ВНУТРЕННИЙ ДИСКУРС НАСИЛИЯ

Из многих свидетельств, в том числе и последовательных дуаевцев, только очень немногие носили характер однозначной апологетики случившегося. Да и в этом случае апологетика войны носила упрощенный характер вне доминирующих лозунгов “справедливой войны за независимость” или “национальной революции”. Главным образом речь шла о *газавате* (священной войне) на том ее этапе, когда чеченцам пришлось защищать себя, свои семьи свои жилища. Из безоговорочных суждений в пользу войны нам встретилось только одно:

“Я человек рабочий и не знаю разных интеллигентских штучек. Я скажу вам свою историю просто, без выдумок. Война эта справедливая, это газават. Я всю жизнь ждал эту войну, потому что раньше люди не слушались, своевольничали. Этому надо было положить конец. Порядок должен быть во всем” (Халид).

Однако тема газавата встретилась еще один раз и в очень интересной интерпретации, которая получила хождение в Чечне, особенно в связи с новым циклом насилия осенью 1999 г.:

“Чеченцы в массе своей не хотели воевать. Их втягивали, ввергали в войну против их воли. Лучше всего это можно проследить на примере газавата. Один из самых авторитетнейших в республике богословов, дважды занимавший должность муфтия, еще в самом начале войны заявил, что по самым строгим канонам ислама эта война не является газаватом. Муфтия отстранили, заменили другим, послушным и беспринципным, который менял убеждения как перчатки. Народ ему не поверил. Тогда стали ссылаться на некие закордонные исламские авторитеты, которые ставили чеченскую войну в ряд войн в Югославии, Афганистане, Индии, и объявили чеченцев передовым отрядом борцов за веру. Однако дело в том, что чеченцы пережили в XX в. страшный геноцид 1944 г., лишившись почти половины своей численности. И поэтому народ не принял сомнительной чести поголовно лечь костями во имя мирового газавата. Во всяком случае, после геноцида 1944 г. не чеченцам принадлежал черед во имя газавата исчезнуть со своей этнической территории.

Я не разбираюсь в богословии, но думаю, что только в самые последние месяцы войны можно говорить о газавате. К тому времени была разрушена вся экономическая и культурная жизнь народа. Абсолютное боль-

пшинство чеченских семей лишилось своих близких, множество семей погибло полностью. И вот массовые варварские бомбардировки и обстрелы мирного населения под циничные заявления Завгаева о том, что небо Чечни чисто и безоблачно, поставило вопрос о самом существовании народа. Тогда-то часть народа, которая предпочитала быть в стороне, решила погибнуть с оружием в руках. Другого выхода не оставалось. Для этих людей встал вопрос быть или не быть чеченскому народу. К тому времени был убит уже каждый десятый чеченец, а обстрелы сел и городов стали особенно жестокими” (Саид М.).

Еще один близкий вариант – это “не допустить позора женщин” и защитить свое село:

“Спрашиваешь, участвовал ли я в войне? Да, участвовал, но только не вместе с боевиками. Боевики здесь ни при чем. Когда солдаты приближались к нашему селу, мы уже знали, сколько народу они перерезали в Грозном и Самашках. Тогда мы, способные носить оружие, поклялись на Коране, что ляжем костями, но не допустим позора женщин. Боевиков у нас не было в селе, за исключением моего брата. А брат воевал в Грозном. И хоть он и младше меня, он с малства беспутный. Сидел дважды. У нас в селе его не привечают. Сунулся к нам как-то с дружками в село: мы, дескать, оборонять вас будем, у нас оружие, боеприпасы. Так все село встало против. Старейшины наши сказали ему, чтобы он не вступал, а если хочет оборонять село, так пусть подчиняется моим командам.

Меня главой ополчения выбрали. Я все-таки в армии до майора выслужился. Теперь, я думаю, правильно старики решили. Уж больно беспутные были у брата дружки. Потом мне говорили, они в мародеры подались. Ну, а мы воевали по совести. Солдаты российские думали, что выжгут нас артиллерией. Команда такая была, точно Берлин брали. Круглые сутки грохот стоял адский. Мне показалось, как военному человеку, что войска больше для порядку стреляли, для страха. Мы к тому времени так глубоко окопались, что нас только глубинными бомбами и можно было достать. Да село-то у нас маленькое, чтобы авиацию применять, а женщин и детей мы еще до приближения войск в горы отвели. У нас пещеры глубокие. Так что хоть и разрушили село наше дотла, из 120 мужчин погибло только 8. Да и то по причине озорства молодых: то без команды высунутся, то еще что-то глупое удумают. В другой раз подошли федералы, так выскочили на рукопашную без команды. Словом, хоть и разрушили село наше, но дорогу, идущую в ущелье, так и не смогли захватить. Хотя техники побили мы видимо-невидимо. А солдат мы побили более 200. Поначалу-то мы не считали, а потом взяли в плен капитана-тыловика, так он нам сказал” (Хизир).

В апологетической версии, особенно когда речь идет о личном участии в войне, часто присутствует аргумент вынужденного участия под воздействием моральных мотивов или психологического отчаяния, когда “руки сами потянулись к оружию”, чтобы “защищать свои дома и близких”. Это, кстати, наиболее распространенная версия, которая еще более укрепилась с новым раундом войны осенью 1999 г. среди чеченцев в зоне нового присутствия федеральных войск.

«Ну а после, когда война началась, убили моего свояка. Потом племянницу увели российские войска, до сих пор найти не могут. Потом российские войска стали торговать трупами убитых ими же чеченцев. Тут у меня руки сами потянулись к оружию. Продал я свой москвичок и купил автомат. И скажу я тебе, никакого обеспечения армии не было. Дудаев и его свора успели продать оружие, которое осталось от Советской Армии еще до войны. Да и армии-то у Дудаева не было. Не было никакого призыва в армию. Не было никаких стратегических резервов. Все это поганое вранье, будто имел Дудаев какое-то секретное оружие, что воевать он будет на чужой территории, что взорвет там атомные станции – все это бесстыдное, беспардонное вранье. Не было никаких фронтов, ни армии. Скажи на милость, какая может быть армия, если в самые напряженные моменты войны по горам бегало немногим более 1000 человек. На каждые 10 человек по 2 бригадных генерала – это же курам на смех, это игра в детскую войнушку. И вот такой-то туфтой генерал “купил” целый народ. Такая меня досада берет, что хоть вой. По-моему, война настоящая началась, когда народ взялся за оружие. Стал защищать свои дома и близких. Ты вот меня возьми. Ведь не собирался я воевать. Ан, нет! Заставили! Я знал про контрактников. Знал про их свирельства и непотребства. И как подумаю, что дочь моя может попасть к ним в руки, так руки мои сами тянутся к оружию. Ну, вот и пришлось воевать» (Кюра).

30 ноября 1999 г. российский телеканал НТВ транслировал разговор федеральных военных с жителями одного из чеченских сел, откуда ушли боевики по решению самих жителей и куда без боя вошли армейские подразделения.

“Ну, а ты сам воевал в той войне?” – спрашивает российский генерал одного из молодых мужчин.

“Нет, я в войне не участвовал, я сражался за свое село как против русской армии, так и против этих боевиков, разных бородатых арабов”.

На этом чеченце уже была одета новая камуфляжная форма российской армии (самая распространенная одежда всех участников чеченской войны с обеих сторон!) и автомат Калашникова. Он стал членом нового чеченского формирования под руководством противника Масхадова Беслана Гантамирова – организатора нового чеченского сопротивления против “международных террористов и их покровителей”. Возможно ли проникнуть в мир мыслей и мотивов этого молодого чеченца? Или только внешне-му обозревателю кажется, что это должен быть мир моральной и жизненной драмы, а на самом же деле мир этого чеченца гораздо проще, с точки зрения принятия жизненных решений. Просто нам не дано понять его в этой простоте. Эта простота на самом деле может быть трудной в смысле элементарного выживания, но никак не в смысле выстраивания линии поведения. Каждый отдельный человек, особенно в экстремальных условиях воору-

женного конфликта и какофонии идеологических воздействий, не выстраивает тщательные и последовательные жизненные стратегии и тем более не обязан заниматься саморефлексией. В условиях тотального насилия часто все мысли и вся энергия заняты моментом существования (кто и откуда будет стрелять или бомбить, где безопаснее и куда бежать, где достать еду и воду, как обогреться и прочее). Тем более нам не дано вершить моральный суд. Правовую амнистию этот молодой чеченец, возможно, уже заслужил от российского генерала и от Беслана Гантамирова.

ВЕРСИЯ ГРЯЗНОЙ ВОЙНЫ ИЛИ ЗАГОВОРА ПРОТИВ НАРОДА

Чаще всего среди чеченцев встречается версия войны как мистического заговора корыстных людей, прежде всего лидеров, с целью обмануть народ разными лозунгами и обещаниями, “разозлить чеченцев”, чтобы они стали убивать, совсем не желая этого. Эта версия абсолютно противоречит той, которая доминировала во время войны (революция, отражение агрессии, война за свободу, защита Родины, своих домов и семей). Она представляет собой уже новую форму легитимации насилия через его отторжение как *навязанного действия*, которого никто не хотел, но которое случилось по причине невозможности простым людям решать этот вопрос. Народ предстает как жертва, а не как главная и всегда правая сила исторического события, о чем писал и Яндарбиев и другие идеологи чеченского сопротивления. Причем часто речь идет не только о чеченцах, но и обо всем народе страны, который стал жертвой заговора дельцов и политиков. Еще один новый мотив – это бессмысленность войны.

«Это была самая грязная, самая преступная и отвратительная из всех войн, о которых мне доводилось читать. И в других войнах верхушка нередко продавала свой народ и наживала баснословные прибыли на народной крови. Здесь же человек чужой народу и по происхождению, и по вере, и по воспитанию, и по образу жизни, и по языку сумел, подобно Сирене, увлечь, оглушить, обольстить и обмануть большую часть народа. Он увлекал его за собой, подобно крысолову из сказки, и топил его в собственной крови. Он закапывал его под обломками собственных жилищ. Между прочим, многие заметили, что во время “катания” Дудаева по горам в специальном комфортабельном вагоне, оборудованном всеми удобствами и средствами связи, федеральные самолеты всегда совершали свои налеты на аул, где он останавливался, спустя 7–10 минут после его выхода из аула. И при этом, в каких анналах истории можно найти такой народ, которого вели на убой и который при этом рукоплескал своему идолу, слагал о нем вирши, вознося его выше пророков? Какой сюрреалист мог придумать такое?» (Алик).

“Я считаю, что людей разных национальностей, и в первую очередь русских и чеченцев, заставили, как диких зверей, убивать друг друга верхи обеих сторон. Я абсолютно убежден, что война нужна была политикам для того, чтобы вынести очаг пожара на окраины России. И, в конечном счете, войну развязали дельцы, чтобы на крови обоих народов нажиться, разграбить Россию, надломить ей хребет, чтобы никогда она не встала на ноги. Я лично людей еврейской и чеченской национальностей, которые составили себе огромные состояния, имеют виллы, яхты от Швейцарии и до Канарских островов, от Америки до Израиля, предал бы всеобщему народному суду” (Мудар).

«Я все бьюсь над одним вопросом: а стоило ли ради того, чтобы привести во власть всяких ничтожеств, проходимцев, стоило ли разрушить республику, убить десятки тысяч людей? Что это за суверенитет и национальная свобода, если за них надо платить такой дорогой ценой? Да я даю вам голову на отсечение, я даже опрос проводил: 99% населения не знает, что такое суверенитет и никогда не считало СССР империей. А уж чеченцы разъезжали по шабашкам по всей стране. На своем опыте знаю, что простому народу всех наций не нужны суверенитеты, пока не довели дело до войны. Вот ведь парадокс для историка. Народ не хотел, не собирался, а политики заставили людей убивать друг друга. Да, видно, правду говорят, что история ничему не учит» (Кюра).

К этой же версии добавляется мотив искушения, когда сдержанность и невмешательство “честных и порядочных людей” были сломлены ходом событий, в том числе лозунгами, обещаниями и даже ожидаемыми вознаграждениями:

“Я думаю о судьбе самого народа, но только той части, которая поддавалась соблазну искушения лозунгами. Я глубоко убежден, что народ не желал ни войны, ни газавата. Его вовлекли, заставили вести войну. Большинство так называемых честных порядочных людей долго предпочитали позицию невмешательства, стороннего наблюдателя. Надеялись, что все уляжется, образуется, все станет спокойным и войдет в прежние берега. Это не было равнодушием. Это была надежда, что сдержанностью, самообладанием можно дожидаться замирения, спокойствия. Эти надежды оказались тщетными, и такой позицией воспользовались те, кто вверг народ в бойню. Когда это случилось, дорога назад оказалась не менее трудной, чем дорога вперед” (Саид М.).

Я про того Дудаева и слышать не хотел, а получилось, что он главнокомандующий. Хотя вот что я тебе скажу, главнокомандующим-то он был на словах. Никакого единого командования во время войны не было. Я вот помню, когда послали нас в горы и мерзли мы в лесах и блиндажах, я того Дудаева не только в глаза не видел, но и слышать про него не слыхивал. Не то, что там тебя командир приободрит, но даже лекарств и бинтов не было. Сколько на моих глазах ребят погибло из-за того, что бинтов не было. Так вот, в войну-то победил не Дудаев, а народ. Вот только когда народ увидел, что творят российские солдаты, люди поняли, что такая же участь ожидает и их. Вот тогда гнев народный вскипел. Получается, что на-

родное ополчение было главной силой. А Дудаев – вроде бы и ни при чем, да и некоторые командующие фронтами. Видел я иных в деле. Бывало, проведут ребята операцию по своей сметке, а тут откуда ни возьмись командующий появляется. И в деле-то их не было, и не знали-то они – а после операции примазываются. Разборки устраивают, слова какие-то говорят: тут не так и там не эдак. А ведь ребятам на месте лучше было видно, что и как. Вот какие выкладки получаются. Если говорить по отдельности об этой войне, о разных там операциях, вроде бы не все понятно. А вот все собрать вместе, связать, чтобы всякое лыко в строку – это уж, видно, ваше дело, ученых. Одно только хочу сказать, не хотел я воевать, да вот и после войны героем себя не чувствую, хоть и наградами осыпан. Так что беспутное это дело – война” (Таус А.).

ВОЙНА КАК БОЛОТО И КАК ПРЕИСПОДНЯЯ

Самая интересная для антрополога внутренняя версия войны встретила нас среди рассказов не чеченских интеллектуалов или политиков, а среди тех, кто “возил трупы на опознание”. Эту категорию чеченцев невозможно числить ни среди инспираторов, ни среди исполнителей насилия. Это были своего рода шерпы войны и насилия. Именно один из таких шерпов насилия предложил удивительное по своей философской глубине и бытовой мистичности объяснение войны и смерти как экзистенциальной сущности, которая “у человека буквально под ногами”. Суть этой мысли в том, что человек и его сообщество не запрограммировано на насилие, но оно (насилие) всегда рядом, а грань, которая отделяет мир и войну, жизнь и смерть, очень хрупкая и “в любой момент можно провалиться в подземелье”. Война тем самым обретает подлинно мистико-религиозный характер: это – преисподняя ада, это – антижизнь.

“Я возил трупы в Урус-Мартан, на Терек на опознание близкими. И народ мне, в общем-то, был благодарен. Иногда попадались останки знакомых мне людей. Некоторых из них я знал подолгу, целую жизнь. Учились вместе, растили детей, город-то небольшой, почти всех можно было запомнить в лицо. Я тогда понял, что война не обязательно приходит откуда-то извне. Война, смерть, разрушения – это все, что находится у человека буквально под ногами. В любой момент человек может быть втянут в эту пучину войны. Значит, само основание человеческой жизни очень непрочно. Человек, оказывается, ходит по тонкой корочке и в любой момент может провалиться в подземелье. Трупы, которые я возил на опознание, еще совсем недавно были живыми людьми; верили, любили, надеялись. А потом кора провалилась, и люди оказались в подземелье. Не идет у меня из памяти труп одного молодого человека. Он был одет в джинсы, русоволосый и необыкновенно красивый. Такой чистый, светлый, такой красивый. Лежал такой спокойный, со светлым лицом, как будто уснул. А в руках держал букет уже пожухших цветов.... Чеченские ребята крайне редко ходят с цвета-

ми. И парень, должно быть, шел к девушке, может на именины. Только вышел из дома, купил цветы. Тут же был расстрелян с внезапно налетевшего самолета. Потом его сложили в штабель со всеми другими погибшими. Он так и не выпустил небольшого букета роз. Парень даже в лице не изменился, выражение его было доброе, точно живое, только на одной ноге не было ботинка. И казалось, что он собирался найти свой ботинок и продолжить путь” (Саид М.).

К этой же версии добавляется мотив о “взбаламученном болоте” – своего рода версия современного триллера, когда разные “гады”, “распоясавшаяся чернота”, которые сидят внутри самого человека или живут с ним рядом, могут выползти наружу и начать вершить свои дела. На них уже невозможно воздействовать, ибо они “бесы”. Именно те самые “бесы”, о которых писал свой роман Федор Достоевский, вынося литературный приговор революции и революционерам.

«Я думаю, что эта война, как взбаламученное болото выбросила наружу всяких гадин и выползшей. И загнать их в преисподнюю, где им настоящее место, ох как будет непросто. Лукавый, он же сидит в каждом человеке, а всякий бунт или другая катавасия снимает преграды в каждом человеке. Вот и получается бесовская круговерть. Поди, останови. Теперь они ходят, трясут своими грязными бородами, повесили себе всяких медалей и спят в обнимку с автоматом. Как ты его теперь на работу загонишь? Даже если бы и была работа. Или, скажем, на учебу отправить. Ему же ни учеба, ни работа не нужны. Ему вольной житухи подавай. Вот и рассыпались по дорогам. Грабят под видом ГАИ, а то и нахально обируют. Я думаю, нам без крепкого правителя, без железной руки не обойтись. Только такой может взнуздать распоясавшуюся черноту. Иначе толку не будет» (Муса П.).

ВОЙНА КАК ВСЕОБЩЕЕ БЕЗУМИЕ

Тема “коллективного безумия” или всеобщего заблуждения уже встречалась мне при изучении других насильственных конфликтов. В июне 1992 г., когда я вместе с министром по чрезвычайным ситуациям Сергеем Шойгу прилетел из Цхинвали в Тбилиси на встречу с президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе и его министром обороны Тенгизом Китовани, сопровождавший нас в машине местный политик сказал, показывая на руины проспекта Шота Руставели после недавней вспышки гражданской войны: “Смотрите, как грузины могут все разом сойти с ума!” О коллективном безумии говорили некоторые, взирая в октябре 1993 г. на обгоревшее здание российского “Белого дома” (здание Верховного Совета, обстрелянного танками), будучи не в силах объяснить, почему такое произошло в столице новой демократической России.

В крайне идеологизированной Чечне эта тема была далеко не самой актуальной, но от этого не менее важной и интересной для понимания местного общества, разорванного войной. Версия коллективного заблуждения стала актуальной среди глубоко травмированных людей, привычная социальная среда которых была полностью разрушена не только войной, но и тем, что сразу последовало за нею – отчаянная борьба за власть, за привилегии, за доходные места, за право командовать людьми и вершить над ними суд по каким-то новым для них законам.

После войны ситуация стала более обнаженной, ибо разделила общество на тех, кто воевал, т.е. имел право на все, и на тех, кто не воевал, т.е. должен был подчиняться “ветеранам войны”. Почти в каждом селе появился такой “ветеран” с оружием, и, как рассказывала мой партнер по исследованию Хеда Абдуллаева, в ее селе теперь все должны были идти к нему искать правду и решать споры, если их не могла решить местная власть. “А он только сидел со своим автоматом и указывал, что и как надо делать, хотя совсем ничего не понимал и его совсем никто не уважал до войны”.

В послевоенной Чечне сложились совсем другая социальная иерархия и поведенческая норма, которые население не могло принять или вынуждено было принимать, оказавшись заложником вооруженной секты. Чеченцы стали сравнивать свою жизнь с жизнью африканских племен (выученной, конечно, из учебников) и все больше думать о своей новой судьбе, которая внушала тревогу и вызывала внутреннее отторжение. Отсюда мотив “племенного одичания”, который близок нашему тезису о демодернизации, хотя они имеют отличающиеся смыслы. Здесь же мотив такой – “похоже, мы основательно заблудились”.

«У меня сын оглох. Сам я контужен. Памяти не стало совершенно. Спрашивается, ради чего же мы воевали. После войны все пошли просить себе должности, все ринулись занимать себе кресла “халимов”. Однако большинство этих людей малограмотные или вовсе неграмотные. Они никогда не работали в аппарате. И не имеют понятия о службе. Они путают свой собственный дом с государственным учреждением. А у их домов выстраиваются длинные очереди искателей мест. И все это родственники. Должно быть, в Африке вожди ведут себя так же. Но тогда это не государство, а разрозненные племена. До государства мы не выросли. Спрашивается, за что же мы воевали? И хотя сыновья мои и получили должности, я все-таки иногда сомневаюсь, что мы построим государство. Должно быть и другие люди задумываются об этом так же, как и я. И чтобы уйти от ответа на вопрос о том, ради чего загубили столько народа, отвечают – за свободу.

Опять же другой вопрос: какая же это свобода, если командиры обзавелись дворцами на сотни тысяч долларов. А простой народ от голода, нищеты и безысходности впал в самое настоящее отчаянье. Но тогда коман-

дирам беспокойно спать в своих особняках и пировать в сообществах все новых и новых жен. Теперь у командиров пошла мода: они соперничают друг с другом по количеству жен. Благо, в исламском государстве разрешено иметь их минимум четыре. А ведь есть еще много честолюбивых молодых людей, которым повезло меньше и которые непременно попытаются счастье себе отвоевать, отвоевать себе местечко под солнцем власти, потеснив, а то и убрав нынешних владельцев. А это значит, что ни свободы, ни стабильности у нас не предвидится в обозримом будущем.

Вообще, я думаю, что люди без образования никогда не построят государства. Надо бы собирать грамотных, знающих людей, приглашать, ставить их к управлению. А теперешние власти боятся умных, толковых работников. Они ставят себе задачей обеспечить местечками всех боевиков и ни слова не говорят о том, что общество должно объединиться ради построения первого государства. Они думают, что в государстве может сосуществовать вместе несколько дружин, но так в истории нигде не было. Но если это понимаю я, всю жизнь проработавший в торговле и в кооперации, то почему до этого не доходят те, кто претендует на высшую власть. В общем получаютя неувязки. Похоже, мы основательно заблудились. И опять же из страха за невозможность ответить на вопрос за что, ради чего погубили столько народу, говорим, что совершили революцию, завоевали свободу» (Висит М.).

Тема безумия и обмана дополняется мотивом театра абсурда, в который превратилась послевоенная Чечня. Этот абсурд видится все в той же новой несправедливости и изменности людских побуждений даже в условиях тотального насилия. О том, что в результате войны “люди мало изменились”, что они по-прежнему прежде всего пекутся о личном благе, некоторые чеченцы высказывались еще в ходе войны:

“Отношение к любой войне крайне негативное. Нет вопроса, который нельзя было решить за столом переговоров. Это большая трагедия. Но мне казалось, что люди, пройдя этот ад, станут нравственно чище, пересмотрят ценности. Когда в феврале 1995 г. я попал в Грозный, то был удивлен и буквально заболел от того, что мои соседи говорили не о разрушенном городе, а о том, что у них украли. Война изменила не всех” (Рамзан Дж.).

“Мое же родное село Х. втрое меньше, и там боевиков не было. Но с началом лета его разбили вдребезги, а на Алерой не попал ни один снаряд или бомба. В нашем селе муфтий республики живет. Война во всю бушевала, а он себе новый дом мрамором отделал. Так этот дом единственный в нашем селе, куда даже шальная пуля не залетела. Я все в толк не мог взять, как же это так: маленькие, скромные домики, как мой, например, да и вообще село наше незавидное, если не считать хором муфтия, разбили в щепы, а с. Алерой осталось нетронутым. Думаешь, что российские не знали, что там начальник штаба вместе с боееспособными, опытными подразделениями?! Знали, но не трогали. Тут я в конец запутался. Странная это какая-то война. Вроде бы и правдашняя, ведь столько народу поубивало, беда-то какая. А вместе с тем, вроде бы и театр. Не по-настоящему воюют, а как бы играют в войнушку” (Исмаил К.).

Это, кстати, приводит нас к мысли рассматривать войну не только в привычной драме иррациональности и изначальной антисоциальности, но и как конструируемую человеком часть его культурного перформанса. Война и насилие есть часть жизни, а не домен смерти. А значит, у нее есть собственная легитимация, т.е. оправдательное объяснение или объяснительное оправдание. Хотя бытовое сознание соглашается с этим тезисом очень трудно. Оно скорее склонно предложить мифопоэтические версии, вплоть до литературных заимствований. Одна из таких ссылок на Сервантеса чрезвычайно интересна:

“Семью в горы переправил, отвоевал. Потом разыскали меня, просили вернуться. Сказал – нет. Я уже по возрасту не военнообязанный. И такое во мне отвращение к войне, да и теперь к роду человеческому. Устроился вот охранником, другой работы нету. Хотел было в лесники податься (я сам из горных чеченцев), да и какой уж там лес остался. Самые ценные породы порубили на дрова пока шла война, развязанная Дудаевым, и не было других источников тепла. Однако войне угодно было достать меня еще раз в августе 1996 г. В то, что это была война настоящая, может быть, и не верилось бы, если бы не погубили столько народу, не порушили города и села. Вот возьми ты, и бригадные генералы, и генералиссимус, и фронты, и прочая чепуха – это вроде бы игра. Помнится, читал я про Дон Кихота, как он с великанами сражался. У него как бы зрение помутилось. Так и Дудаев с генералами в войнушку играл, а у народа зрение помутилось. И побили этот народ смертным боем. Мне поначалу жалко было народ-то этот. Ни за что ведь гибнет” (Кюра).

Таким образом, мы рассмотрели проблему насилия в альтернативном контексте, т.е. прежде всего как набор человеческих действий, норм и идей в конкретном социокультурном (чеченском) контексте. Нас интересовали прежде всего внутренние объяснения и мотивы, а не какая-либо цельная теория насилия, которой до сих пор не существует прежде всего по причине крайней дискретности данного феномена³⁷. Один из наших общих выводов состоит в том, что решающим моментом в объяснении насилия и конфликта является само понятие контекста как методологического условия, которое, в свою очередь, вытекает из признания первичности конкретной социальной ситуации в интерпретации человеческих институтов и поведения. Главное – это изучение в различных социальных средах человеческих реакций и действий в ответ на общие экзистенциальные проблемы, включая войну.

Именно это методологическое условие позволило гораздо адекватнее взглянуть на чеченскую войну с точки зрения самих чеченцев, а не их самозванных вождей, полуобразованных идеологов и полевых командиров. Масштаб пережитого и совершен-

ного насилия действительно паразитичен и выглядит внешне иррациональным и, конечно, социально и морально не оправданным. Однако само чеченское общество в условиях войны демонстрирует, хотя и сильно нарушенную, социальность, суть которой в установке на кооперативное и мирное поведение. Феномен модернизации проявился в том, что чеченское общество оказалось (вернее, позволило себя сделать) заложником крайне малой части протагонистов насильственного сценария и довольно мощной когорты участников новых геополитических соперничеств, осуществляющих глобальную “декоммунизацию” и “деколонизацию”, а также “доисламизацию”. Даже окончание войны в 1996 г. не позволило освободить чеченское общество от избранного не им самим бремени передового отряда борцов против “последней империи”. В послевоенной Чечне мы не обнаружили позитивного мира, что вполне могло вызвать новый цикл тотального насилия, т.е. новую войну. Обычного насилия в Чечне оставалось и без того более чем достаточно все послевоенные годы.

События в Чечне после 1999 г. подтвердили, что возможно не только тотальное циклическое насилие (т.е. как историческое продолжение предыдущего), но и утрата способности общества оказывать влияние на этот процесс. Такое общество и в такой ситуации платит слишком непомерную цену за то, что становится полем насилия. Более того, мы имеем основания говорить, что расхожая метафора – “народ – всегда прав” и простые люди всегда против войны и насилия – должна подвергнуться некоторой корректировке. Могут складываться ситуации, когда насилие не только навязано большинству населения со стороны вооруженного меньшинства и воинственных политиков, но когда довольно широкие круги населения соучаствуют и извлекают определенную выгоду из практики насилия.

Трудно поверить, что масштабная практика захвата и использования заложников и пленников-рабов в современной Чечне происходила без непосредственного участия не только некоторых высших чеченских лидеров, включая масхадовского вице-президента Ваху Арсанова, полевых командиров, контролировавших со своими командами отдельные населенные пункты и районы, но и многих рядовых граждан, которые наблюдали данную практику и прямо участвовали в содержании и использовании труда заложников. Они же имели часть дивидендов от их продажи или обмена.

Последний момент изучен недостаточно, но наши данные говорят о том, что в период 1996–1999 гг. полученные и поделенные среди участников и родственников деньги от выкупа заложников составляли один из основных источников доходов многих

чеченских семей, хотя не все предпочитали говорить об этом вслух и даже внутренне признавать преступное происхождение денег. Некоторые находили свое философское, политическое и даже этнографическое оправдание практики захвата людей с целью использования их труда и получения денежного выкупа.

Другими словами, на примере современной Чечни мы имеем ситуацию, когда по крайней мере значительная часть общества, пребывающего в состоянии конфликта и социально-политического кризиса, оказывается не жертвой, а участником и исполнителем насилия. Здесь действует не просто принуждение или прямая угроза со стороны инициаторов, а осознанная позиция, которая свидетельствует о моральной деградации. Кризис морали рядовых граждан и массовое насилие тесно связаны между собой. Одна из чеченских женщин открыто высказывалась с экрана российского телевидения: “Мы никогда не выдадим своих, и если боевики придут в село, то мы их спрячем и накормим”. Для симпатизирующих чеченскому сопротивлению журналистов подобное заявление не более чем “поддержка населением движения сопротивления”. Для нашего анализа – это явное стирание грани между криминальными исполнителями насилия и так называемым гражданским населением, которое всегда и безоговорочно есть предмет заботы противников насилия и защитников прав человека. Данная женщина безусловно является участником акта насилия (в данном случае войны в Чечне), как и любая другая, которая приносит пищу сидящему в яме или в подвале заложнику и дает ему задания на выполнение работ.

При такой ситуации глубоко эмоциональной вовлеченности и прямого соучастия в практике насилия достаточно широких слоев населения, делающих это не только по принуждению, но и по моральным установкам и по материальной выгоде, внутренние ресурсы прекращения практики насилия крайне ограничены. “Мы в нашем селе знали, что никто не держит заложников, а если бы узнали, то ему было бы плохо”, – сказала мне одна из жительниц с. Беной-Юрт Надтеречного района. Но такие села с подобным моральным настроем жителей в Чечне были единицы. В большинстве сел, особенно в горной местности, еще до конфликта дома строились с многоэтажными бетонными подвалами, предназначенными для насильственного содержания в них людей. Едва ли владельцы этих подвалов могут объяснить, что они используются исключительно для хранения солений и варений.

Как и когда в сравнительно недавние времена, а особенно в последние годы открытого конфликта, случился этот достаточно

массовый поворот в ментальности чеченцев по отношению к использованию рабского труда и торговли людьми? Может быть, это произошло еще до начала “национальной революции”, когда предприимчивые и располагавшие деньгами чеченцы в 1960–1980-е годы стали строить в горных и предгорных селах обширные дома и вести солидное частное хозяйство, требовавшие дополнительной рабочей силы, которую легко поставляли лица без определенного места жительства (бомжи), а точнее, как правило, больные и сломленные алкоголизмом люди, нуждавшиеся в медицинской и социальной помощи. Их привозили чаще всего из сельских глубинок России, где зарабатывали себе средства сезонным строительством мужские бригады из Чечни.

С началом войны в декабре 1994 г. многие мои чеченские информанты объясняли практику заложничества и торговли людьми тем, что этим делом первыми занялись федеральные войска, требуя денежного выкупа за тех, кто содержался в так называемых изоляторах для проверки и мог быть подвергнут жестоким избиениям, или за трупы убитых чеченцев, которые оказывались в распоряжении или в расположении федеральных войск. Встречался и этнографический аргумент: “чеченцы всегда брали пленников, прежде всего из числа русских солдат, и содержали их в своих домах”. Изданная в 1991 г. в Грозном брошюрка “Десять месяцев в плену у чеченцев”, представляющая собой воспоминания солдата царской армии времен Кавказской войны середины XIX в., была великолепной литературной подсказкой для современных чеченцев.

Какие в подобных случаях возможны воздействия и противодействия своего рода укоренившейся и почти ставшей легитимной для местного сообщества практики насилия? Один из наиболее вероятных вариантов – внешнее вмешательство миронавязывания со стороны государства. Это наиболее распространенный и наиболее легитимный вариант, который в последние десятилетия применялся почти повсеместно в мире и с разной долей успеха. В последнее десятилетие появился вариант международного силового миронавязывания с целью прекращения тотального насилия, но послужной список этой исторической новации слишком противоречив, чтобы можно было давать ему однозначную оценку.

¹ Проблемам выполнения полевых исследований в условиях этнополитических и других конфликтов посвящена специальная коллективная работа, к которой мы можем отослать читателя: *Fieldwork under Fire. Contemporary Studies of Violence and Survival* / Ed. C. Nordstrom & A. Robben. Berkeley, 1995.

- ² *Riches D.* The Anthropology of Violence. Oxford, 1986.
- ³ *Перишц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А.* Война и мир в ранней истории человечества: В 2 т. М., 1994.
- ⁴ The Legitimization of Violence / Ed. D.E. Apter. L., 1997. P. 1–2.
- ⁵ См.: *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 320–353.
- ⁶ The Legitimization of Violence. P. 2.
- ⁷ Классический пример такой интерпретации см.: *Gluckman M.* Custom and Conflict in Africa. Oxford, 1956.
- ⁸ *Lorenz K.* On Aggression. N.Y., 1963. P. 42.
- ⁹ *Chagnon N.A.* Yanomamo. Orlando, 1968. О дискуссии см.: *Idem.* Life Histories, Blood Revenge, and Warfare in a Tribal Population. Science, 1988. Vol. 239. P. 985–92; *Lizot J.* On Warfare: An Answer to N.A. Chagnon // American Ethnologist. 1994. Vol. 21. P. 841–858.
- ¹⁰ *Sahlins M.* The Use and Abuse of Biology. Ann Arbor, 1976.
- ¹¹ *Перишц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А.* Указ. соч. Т. 1. 1994.
- ¹² *Hinde R.A.* Aggression: Integrating Ethology and the Social Science. Medicine and War. N.Y., 1988.
- ¹³ *Koch K.-F.* The Anthropology of Warfare. Reading, Mass., 1974. P. 55.
- ¹⁴ *Rappaport R.* Pigs for the Ancestors. New Haven, Conn., 1967.
- ¹⁵ Societies at Peace: Anthropological Perspective / Ed. S. Howell & R. Willis. L., 1989.
- ¹⁶ The Anthropology of War and Peace. Perspectives on the Nuclear Age / Ed. P.R. Turner & A.D. Pitt. Granby, 1989; Peace and War: Cross-Cultural Perspectives / Ed. M.L. Foster & R.A. Rubinstein. New Brunswick, 1986.
- ¹⁷ *Feldman A.* Formation of Violence: The Narrative of the Body and Political Terror in Northern Ireland. Chicago, 1991; Mirrors of Violence: Communities, Riots and Survivors in South Asia / Ed. V. Das. Delhi, 1990.
- ¹⁸ См.: *Harrison S.* The Mask of War: Violence, Ritual, and the Self in Melanesia. Manchester, 1993.
- ¹⁹ *Harrison S.* War, Warfare // Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / Ed. A. Barnard & J. Spencer. L., 1996. P. 562.
- ²⁰ О различении агрессии и насилия см.: *Montagu A.* The Nature of Human Aggression. Oxford, 1976; Learning Non-Aggression: the experience of non-literate societies / Ed. A. Montagu. Oxford, 1978.
- ²¹ The Rules of Disorder / Ed. P. Marsh et al. L., 1978; *Eibi-Eibesfeldt I.* The Biology of Peace and War. N.Y., 1979.
- ²² *Siann G.* Accounting for Aggression: perspectives on aggression and violence. Boston, 1985. P. 12.
- ²³ *Gibson Th.* Symbolic representations of tranquillity and aggression among the Buid // Societies at Peace. Anthropological perspectives. P. 60–78.
- ²⁴ *Riches D.* Op. cit. P. 2.
- ²⁵ *Dollard J.* et al. Frustration and Aggression. L., 1969.
- ²⁶ *Malinowsk B.* An Anthropological analysis of war // War: studies from psychology, sociology and anthropology / Ed. L. Bramson & G. Goethals. N.Y., 1964.
- ²⁷ *Sheff T.J.* Catharsis in Healing, Ritual, and Drama. Berkley, 1979.
- ²⁸ Подробнее см.: *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М., 2001.
- ²⁹ *Беляев С.* Десять месяцев в плену у чеченцев. Грозный, 1991; Сабли рая (горское оружие в Кавказской войне). Грозный, 1992.

- ³⁰ См., например, тезисы выступления д-ра Марии Бенигсен-Броксап (Великобритания) на конференции, посвященной шейху Мансуру в 1991 г. в Грозном // Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Грозный, 1992. С. 44.
- ³¹ *Яндарбиев З.* Чечения – битва за свободу. Львов, 1996. С. 89–90.
- ³² Там же. С. 93.
- ³³ Там же. С. 94.
- ³⁴ *Lieven A.* Chechnya. Tombstone to Russian Power. New Haven; London, 1998. P. 324–354.
- ³⁵ *Ibid.* С.330.
- ³⁶ *Ibid.* С. 334–335.
- ³⁷ Более подробно об этом см.: Антропология насилия / Отв. редакторы А.В. Бочаров и В.А. Тишков. СПб., 2001.